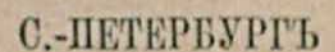
ДАМСКІЯ МОДЫ XIX ВѢКА

ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОНОГРАФІЯ

О ЖЕНСКИХЪ НРАВАХЪ И ВКУСАХЪ

Съ многочисленными рисунками, иллюстрирующими эволюцію женскаго туалета съ 1797 по 1898 гг.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ
„Новаго Журнала Иностранной Литературы“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13
1899

Цѣна 75 коп.

ДАМСКІЯ МОДЫ XIX ВѢКА

ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОНОГРАФІЯ

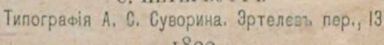
О ЖЕНСКИХЪ НРАВАХЪ И ВКУСАХЪ

Съ многочисленными рисунками, иллюстрирующими эволюцію женскаго туалета съ 1797 по 1898 гг.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ

„Новаго Журнала Иностранной Литературы“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13

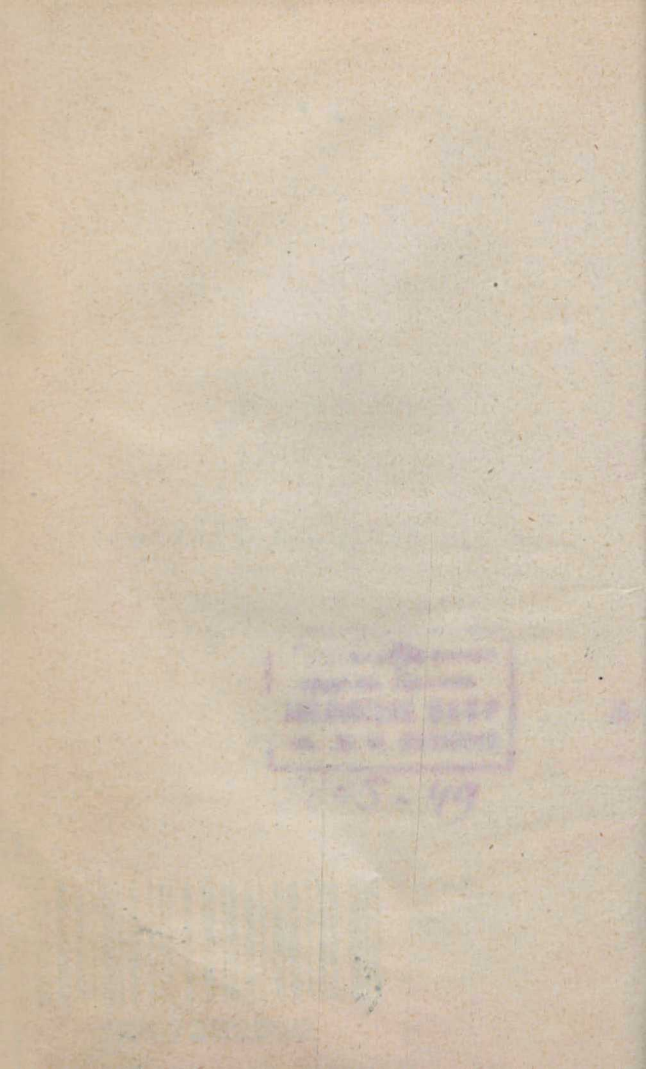

1899

Дозволено цензурою 11 октября 1899 г. С.-Петербургъ.

ДАМСКІЯ МОДЫ XIX ВѢКА

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	107 - 98
						Д	14/50	

Во всѣхъ странахъ свѣта и во всѣ эпохи мода и ея безчисленныя измѣненія играли большую роль въ жизни человѣчества. Если бъ кому-нибудь вздумалось составить полный библіографическій указатель изданій, посвященныхъ исторіи модъ и костюмовъ, то всѣ были бы поражены, до чего этотъ вопросъ занималъ самые серіозные и положительные умы. Люди строгихъ правилъ, ученые, даже суровые монахи посвящали свое время и трудъ изслѣдованію этого вопроса, признавая его важнымъ факторомъ въ развитіи и общественной жизни народовъ. Дѣйствительно, ничто не является болѣе типичнымъ и живописнымъ, болѣе соотвѣтствующимъ характеру, духу и нравственности извѣстнаго народа или извѣстной эпохи, чѣмъ господствующія тогда моды и обстановка. Одежда и манера одѣваться вліяютъ очень сильно на литературу, живопись и скульптуру. Ихъ

вліяніе отражается даже на идеяхъ, языкѣ и политической экономіи націи. Наука и медицина не могутъ также игнорировать вопроса о костюмахъ. Такимъ образомъ, одежда, украшеніе и обстановка, по словамъ Шарля Блана, являются серіознымъ предметомъ изученія для философа и точнымъ опредѣленнымъ указателемъ господствующихъ идей данныхъ эпохъ. Кромѣ того, частая измѣнчивость моды есть необходимость, такъ какъ это самый естественный налогъ, налагаемый промышленностью бѣдняковъ на тщеславіе богачей. Франція была и есть съ незапамятныхъ временъ создательницей и законодательницей модъ. Она сумѣла заставить и другія націи подчиниться вѣчной измѣнчивости моды, постоянной перемѣнѣ не только покроя одеждъ, но и всей обстановки. Поэтому-то, знакомясь съ исторіей французскихъ модъ, вы знакомитесь и съ исторіей модъ всей Европы.

I.

Послѣдніе дни XVIII-го вѣка.

Великая французская революція, порвавъ со всѣми старыми традиціями, создала новыя эстетическія понятія объ одеждѣ и украшеніяхъ, и изъ этихъ-то понятій произошли всѣ разнообразныя моды нашего столѣтія. Первоначально, подъ вліяніемъ господствующихъ идей этой только-что освободившейся отъ многовѣкового гнета націи, моды вдохновлялись языческой миѳологіей, старались приблизиться къ природѣ, освободить формы, яснѣе опредѣлить контуры человѣческой фигуры, однимъ словомъ, сдѣлать костюмы возможно болѣе свободными и соотвѣтствующими идеалу греческой красоты. Революція, уничтожившая такъ много предразсудковъ и традицій, уничтожила и господство женщинъ. Клубы, уличныя собранія замѣнили салоны, и казалось, что умъ, грація, изящество и остроуміе

французовъ погибли въ страшные и кровавые дни Террора. Наконецъ, вся нація пришла въ ужасъ отъ этихъ потоковъ крови, проливаемыхъ во имя свободы, наступила реакція, и Директоріи съ первыхъ же дней пришлось создавать общество и общественную жизнь, прилагая при этомъ всѣ старанія, чтобы изгладить, даже стереть изъ памяти всѣ пережитые страшные дни. Всѣмъ казалось совершенно нормальнымъ и естественнымъ, что увеселенія, зрѣлища, игры вновь возродились, всѣ старались забыться, разсѣяться, стряхнуть съ себя стѣсненіе, наложенное строгими декретами Конвента, желавшаго ввести строгость нравовъ и соціальные законы, господствовавшіе въ Римской республикѣ въ первые годы ея основанія. Наступило какое-то междуцарствіе нравственности.

1797 г.

Директорія вновь возвела женщину на тронъ красоты и любви, она стала опять легкомысленной владычицей общества, но общества тревожнаго, лихорадочнаго, преданнаго ажіотажу (игра биржевая на повышеніе и пониженіе бумагъ) и низменнымъ страстямъ, аппетиты котораго, сдерживаемые такъ долго страхомъ и казнями, теперь разыгрались во-всю. Желаніе нравиться преобладало у женщины надъ всѣмъ. Не стало больше запретныхъ плодовъ въ этомъ раю паганизма; вся тактика любви сводилась къ тому, чтобы возбуждать желанія и тотчасъ же ихъ удовлетворять. Бракъ, превратившись въ простой гражданскій актъ, сталъ считаться только временнымъ обязательствомъ, да при томъ разводъ такъ легко развязывалъ эти непрочные союзы. Женщина той эпохи, по

1797 г.

словамъ братьевъ Гонкуровъ, «переходила отъ одного мужа къ другому въ погонѣ за новымъ счастіемъ, за новыми ощущеніями. Она пускалась въ обращеніе, какъ красивый товаръ. Она была женой, пока ей это не надоѣдало,—матерью, пока ее это забавляло. Мужъ, съ своей стороны, переходилъ изъ однихъ объятій въ другія; разводились изъ-за пустяка; женились для того, чтобы разводиться; разводились для того, чтобы вновь жениться». Страсть къ танцамъ овладѣла всѣми слоями общества; едва убрали эшафоты, какъ во многихъ мѣстахъ столицы открылись бальныя залы. Веселые звуки скрипокъ, флейты, кларнета и тамбурина приглашали пощаженныхъ страшнымъ Терроромъ предаваться удовольствію танцевъ, и толпы посѣтителей просто осаждали бальныя залы; повсюду, гдѣ только были зала, садъ или площадь, устраивали балы, — такъ, напримѣръ, плясали на мѣстѣ упраздненнаго кладбища св. Сюльпиція; многія надгробныя плиты не были убраны, но это сосѣдство смерти нисколько не смущало танцующую молодежь. Страсть къ танцамъ превратилась въ какую-то эпидемію, усиливающуюся съ каждымъ днемъ. По предложенію Буасси д'Англаса, былъ вотированъ декретъ, по которому возвращались наслѣдникамъ казненныхъ и осу-

жденныхъ Конвентомъ всѣ конфискованныя имѣнія и имущества. Эти наслѣдники, большею частью молодые люди, превращенные такимъ неожиданнымъ постановленіемъ изъ бѣдняковъ въ богачей и опьяненные этимъ внезапнымъ богатствомъ, предались самымъ эксцентричнымъ удовольствіямъ. Они основали аристократическое собраніе, въ которое порѣшили допускать лишь тѣхъ, у кого отецъ или мать, братъ или сестра погибли подъ ножомъ гильотины. Собраніе это называлось «Баломъ жертвъ» (Bal des Victimes). Приглашая и отводя на мѣсто даму, кавалеръ долженъ былъ отвѣшивать особенный поклонъ, при которомъ быстрое и рѣзкое движеніе головой должно было напоминать движеніе головы казнимаго, когда палачъ наклонялъ ему голову надъ роковой плахой. Утонченные щеголи, желая усилить впечатлѣніе такого поклона, брили себѣ на затылкѣ волосы, какъ это дѣлалъ палачъ Самсонъ, приступая къ, такъ называемому, послѣднему туалету осужденнаго. Мода эта вызвала восторги среди этихъ сумасбродовъ; дамы также рѣшили слѣдовать ей, безжалостно обрѣзая до корней волосы на затылкѣ, и такимъ образомъ создалась прическа «Жертвы», которая распространилась очень быстро по всей Франціи; впослѣдствіи она переименовалась въ прическу «à la Titus».

Многія дочери казненныхъ ввели въ моду красныя шали въ воспоминаніе того краснаго платка, который палачъ набросилъ на плечи Шарлотты Корде. Нѣкоторыя изъ танцорокъ доводили свою любовь къ реализму до того, что носили красныя ожерелья, плотно охватывающія шею, какъ бы напоминая кровавый слѣдъ удара гильотиннаго ножа, и этимъ приводили въ восхищеніе своихъ кавалеровъ. Вскорѣ Балъ Жертвъ пріобрѣлъ, благодаря своему избранному обществу и его эксцентричности, большую славу; туда ходили смотрѣть и изучать новыя моды, а молодыя посѣтительницы, танцуя вальсъ, только-что вошедшій въ моду, соперничали между собой роскошью туалетовъ и украшеній. Онѣ быстро покинули свои траурныя одежды и стали носить бархатъ, атласъ и кашемиръ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. На этихъ балахъ появились впервые греческая туника, бѣлая хламида, обшитая цвѣтнымъ меандромъ (греческій орнаментъ), прозрачныя газовыя и батистовыя платья и древняя греческая обувь—котурнъ съ переплетенными лентами вокругъ ноги. Мало-помалу танцоманія овладѣла всѣми классами общества: стали танцовать на чердакахъ, въ подвалахъ, на лугахъ. Общественная жизнь во Франціи еще никогда не представляла такого страннаго, непонятнаго и уди-

вительнаго зрѣлища, какъ въ началѣ Директоріи.

Революція подобно урагану снесла и смыла все: традиціи, нравы, языкъ, тронъ, алтари, моды и манеры, но легкомысліе,

1798 г.

присущее духу этого народа, вновь всплыло надъ этими развалинами; беззаботность, хвастовство, безпечность, остроуміе и веселость, лежащія въ основѣ характера націи, появились на другой же день послѣ прекращенія казни. Но такъ какъ прошлое

исчезло, а въ одинъ день нельзя было создать общество съ новыми обычаями, приличіями и съ новыми, еще небывалыми, костюмами, то всѣ принялись подражать древнимъ вѣкамъ и исчезнувшимъ націямъ. Каждый сталъ одѣваться, гримироваться, даже говорить по своему вкусу и желанію; наступило время всеобщаго переряживанія, время какого-то безконечнаго карнавала и безграничной оргіи.

Между тѣмъ, пока въ Парижѣ предавались такимъ безуміямъ, французская армія одерживала блестящія побѣды въ Германіи и Италіи, разнося повсюду идеи свободы и равенства. Подвиги Бонапарта начинали тревожить не на шутку всю Европу, но не вызывали ни восхищенія, ни справедливой гордости во Франціи. По свидѣтельству тогдашнихъ писателей, всѣ проходили хладнокровно, индифферентно мимо газетчиковъ, громко выкрикивавшихъ побѣды арміи и имена генераловъ-побѣдителей. Всѣмъ хотѣлось, во что бы то ни стало, мира, спокойствія и довольства. Страсть къ ажіотажу овладѣла всѣми сословіями, а опьяненіе весельемъ и удовольствіемъ вытѣснило изъ головы всѣ возвышенныя и благородныя идеи. Тѣмъ рѣдкимъ праздникамъ, которые Директорія устраивала въ честь геройскихъ подвиговъ войскъ, недоставало величія и достоинства,—это были лишь жалкія и достой-

ныя осмѣянія пародіи. Кромѣ этихъ праздниковъ въ честь «Побѣды», правительство Директоріи, подражая древнимъ вѣкамъ, учредило всенародныя празднества въ честь «Республики», «Отечества», «Добродѣтели» и

1798 г.

«Молодости». Люксембургскій дворецъ, мѣстопребываніе всѣхъ пяти директоровъ, превратился въ настоящій дворъ. Этотъ новый дворъ, благодаря одному изъ директоровъ, Баррасу, сталъ очень доступенъ женщинамъ. Галантность быстро замѣнила суровость рес-

публиканцевъ, и женщины вновь пріобрѣли власть и могущество, которыхъ ихъ было лишилъ Конвентъ. Гражданки Сталь, Гамелинъ, Бонапарте, Тальенъ сдѣлались настоящими королевами Парижа, и ни одинъ праздникъ не обходился безъ нихъ. Самымъ блестящимъ салономъ въ Люксембургскомъ дворцѣ былъ салонъ Барраса; тамъ веселились, смѣялись, шутили и даже разговаривали, хотя прежнее умѣніе вести разговоръ, которымъ французы славились съ незапамятныхъ временъ, еще не возрождалось. Пріемные дни Барраса привлекали избранное общество; тамъ можно было видѣть остроумнаго Таллейрана за игорнымъ столомъ, гражданку Сталь, бесѣдующую съ Шенье, братомъ несчастнаго поэта, погибшаго на эшафотѣ, а красавица Тальенъ показывала тамъ свои самые рискованные туалеты и великолѣпные бриллíанты. Но настоящимъ, типичнымъ салономъ Директоріи оставалась все-таки улица, на которой былъ какъ бы вѣчный, нескончаемый праздникъ. Толпы щеголей и щеголихъ (Incroyables et Merveilleuses) сновали по ней, отправляясь въ театры, концерты и другія увеселительныя заведенія. Лѣтомъ эти толпы стремились наслаждаться прохладой и свѣжестью садовъ; между ними пользовался большою извѣстностью садъ Тиволи, тѣнистыя аллеи котораго и масса красивыхъ

женщинъ привлекали посѣтителей. Ихъ тамъ увеселяли всевозможные акробаты, пѣвцы, распѣвающіе веселыя и скабрезныя пѣсни, и греческія игры. Мерсье, ловкій карандашъ котораго увѣковѣчилъ въ талантливыхъ набросках сцены уличной жизни, такъ описываетъ появленіе въ Тиволи одной изъ мервельёзъ: «Что за шумъ слышится? Кто эта женщина, появленію которой предшествуютъ рукоплесканія? Подойдемъ поближе, поглядимъ. Какая толпа тѣснится вокругъ нея? Что это, неужели она голая? Нѣтъ, не можетъ быть, я сомнѣваюсь. Подойду поближе, во всякомъ случаѣ это что-то достойное моего карандаша. Я вижу легкіе шелковые панталоны, что-то въ родѣ полукафтана, очень открытаго спереди, легкій газъ художественно прикрываетъ бюстъ. Прозрачная батистовая рубашка позволяетъ видѣть всю ногу, украшенную надъ колѣномъ золотыми обручами, и эти легкіе покровы такъ возбуждаютъ воображеніе, подъ ними формы кажутся такими привлекательными, что, право, задаешь себѣ вопросъ: не выиграла ли бы общественная стыдливость, если бъ ихъ совсѣмъ не было?» Осенью посѣщались главнымъ образомъ концерты, чайныя, кондитерскія и театры, но время года не отражалось на женскихъ туалетахъ, — тѣ же легкія, прозрачныя платья появлялись и здѣсь. Излю-

бленнымъ мѣстомъ были чайная Фраскати и Голландскій павильонъ, куда послѣ оперы или иного театра отправлялись пить чай, но на чайныхъ столахъ фигурировало все, что угодно, начиная съ мяса и кончая шампанскимъ. Женщины временъ Директоріи отличались прекраснымъ аппетитомъ, котораго онѣ не считали нужнымъ скрывать; это были большею частью здоровыя, веселыя красавицы, полныя, съ роскошными формами, развязныя, не стѣсняющіяся въ выраженіяхъ и обладательницы бойкихъ языковъ, что не мѣшало имъ ради требованія моды падать въ обморокъ, прикидываться страдающими мигренью. Мужчины той эпохи были ихъ достойными партнерами. Вотъ какъ ихъ описываетъ одна наблюдательная современница: «Болѣе самонадѣянные, чѣмъ обыкновенно бываетъ молодежь, круглые невѣжды, потому что вотъ ужъ семь лѣтъ, какъ они не получаютъ образованія, они проводятъ время въ кутежахъ, ухаживаніяхъ и развратѣ; грубые и нахальные, они изобрѣли особый жаргонъ, на которомъ объясняются. И этотъ жаргонъ такъ же комиченъ, какъ и этотъ кусокъ кисеи, который они навертываютъ себѣ на шею, называя его моднымъ галстукомъ. Вдобавокъ ко всему, они страшные фаты; ихъ костюмъ состоитъ изъ очень коротенькой жилетки, сюртука, полы котораго представляютъ

подобіе рыбьяго хвоста, широкіе панталоны, сапоги съ отворотами; гигантскій галстукъ, короткая, но толстая трость, лорнетъ, стекла котораго величиною съ блюдечко; волосы

1799 г.

завитые и такъ низко спускаются, что почти закрываютъ глаза и большую часть лица. Вотъ вамъ точный и правдивый портретъ Incroyable, т. е. щеголя временъ Директоріи.»

Моды въ первые годы республики не сохранили ничего національнаго, чисто французскаго. Носили преимущественно греческую тунику, хламиду, греческую обувь—котурнъ, турецкіе долманы, швейцарскія шапочки. Послѣ стриженныхъ волосъ, которыхъ требовали модныя прически à la Victime и à la Titus, стали носить парики и непремѣнно бѣлокурые; всѣ женщины хотѣли быть только блондинками. На голову надѣвали кокетливый чепчикъ, сильно напоминающій дѣтскую шапочку, или шляпу съ высокой головкой, украшенную ястребиными перьями. Затѣмъ вошли въ моду сборчатыя шапочки съ кружевной отдѣлкой; онѣ дѣлались изъ батиста или изъ чернаго, вишневаго, зеленаго, лиловаго бархата. Стали даже носить что-то въ родѣ турецкой чалмы, украшенной жемчугомъ и султаномъ изъ перьевъ, подражая головному убору только-что пріѣхавшаго въ Парижъ турецкаго посланника; многія же парижанки носили на головѣ косынки, изящно повязанныя. На утреннюю прогулку модницы надѣвали легкое прозрачное платье, обрисовывающее формы, шаль или шарфъ лимоннаго или блѣдно-розоваго цвѣта, на голову,—кружевной чепчикъ, и красные башмаки съ переплетами изъ лентъ того же цвѣта. Днемъ же всѣ одѣвались въ батистовыя или газовыя платья античнаго покроя;

они назывались платьями Діаны, Минервы, Омфалы, Галатеи, Венеры. Согласно съ требованіями моды, всѣ женщины носили прозрачное, почти облегающее платье; напрасно доктора старались доказать, что климатъ Франціи, хотя и не суровый, все же не былъ такъ мягокъ, какъ климатъ Греціи, но никто не слушался ихъ совѣтовъ, а между тѣмъ за тѣ нѣсколько лѣтъ, когда господствовала мода подражанія греческимъ костюмамъ, умерло больше женщинъ и дѣвушекъ, чѣмъ за предшествовавшія сорокъ лѣтъ. Нѣсколько отважныхъ щеголихъ, между которыми находилась г-жа Тальенъ, осмѣлились явиться на прогулку совершенно голыми, прикрытыя только узкой газовой рубашкой; другія появились съ обнаженной грудью, но эти безстыдныя попытки болѣе не возобновлялись; народъ освисталъ и осмѣялъ ихъ, и эти красавицы, потерявшія всякій

1799 г.

стыдъ, испугались насмѣшекъ расходившейся толпы.

Но мало-по-малу прозрачныя платья стали исчезать, и со второго мѣсяца (Брюмера) 7-го республиканскаго года появились египетскія платья, алжирскія чалмы, нильскія косынки и чепчики à la Crocodile. Египетская кампанія ввела въ моду огромные тюрбаны всевозможныхъ цвѣтовъ и съ массой перьевъ. Началось господство шалей или шарфовъ; ихъ стали дѣлать различныхъ формъ и размѣровъ, длинные, угломъ, квадратные; ихъ носили красиво драпированными на плечахъ, накинутыми на обнаженныя руки, а концы ихъ живописно развѣвались. Шали окрашивались въ самые разнообразные цвѣта; преобладали яркіе тона: оранжевый, пунцовый и абрикосовый; ихъ дѣлали изъ различнаго матеріала: шелковыя, шерстяныя, батистовыя и газовыя; ихъ носили лѣтомъ и зимой. Греческая обувь къ этому времени совсѣмъ исчезла, и женщины стали вообще одѣваться скромнѣе, прикрывая свои формы. Что же касается до мужского костюма той эпохи, то вотъ какъ его описываютъ современники: полувысокая шляпа съ небольшими полями, приподнятыми съ боковъ и опущенными спереди и сзади, прическа à la Titus, длинные бакенбарды, и хорошій тонъ требовалъ, чтобы бакенбарды были всегда чер-

ные, хотя бы волосы на головѣ были бѣлокурые. Галстукъ огромныхъ размѣровъ, доходящій до ушей, всегда бѣлый, рубашка плиссированная изъ тонкаго батиста, очень

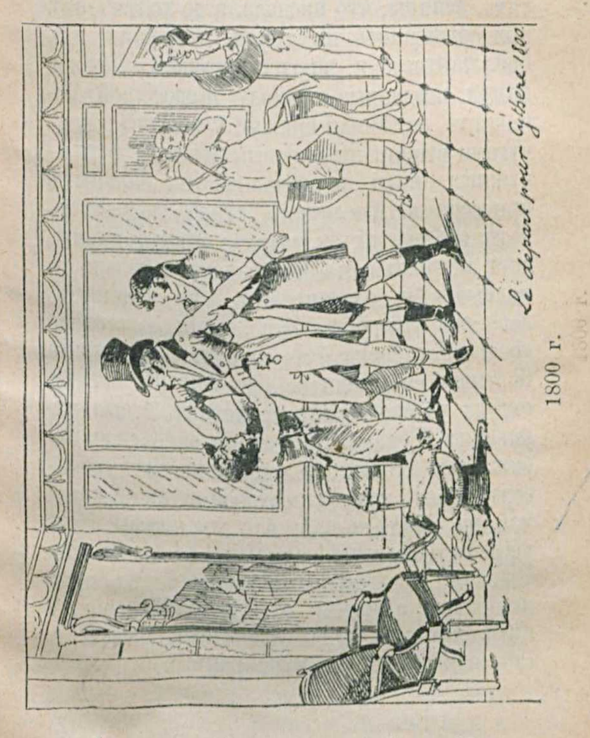
1799 г.

открытый жилетъ, сюртукъ обыкновенно темно-коричневый съ чернымъ или лиловымъ воротникомъ и съ металлическими пуговицами. Брюки очень узкіе, цвѣта замши, отдѣланные по швамъ узкимъ золотымъ га-

луномъ, огромная печатка непремѣнно болталась на концѣ часовой цѣпочки, а вмѣсто трости носили какой-то бамбуковый крюкъ. На балахъ черный фракъ былъ обязателенъ; къ нему надѣвались башмаки, чулки, короткіе панталоны канареечнаго или бутылочнаго цвѣта.

Мода, вообще непостоянная, отличалась за періодъ годовъ 1795—1799 такой измѣнчивостью, что надо было бы написать, по крайней мѣрѣ, два громадныхъ тома, чтобы указать хотя бы только на главныя видоизмѣненія одежды и украшеній. Мерсье, стараясь передать въ своихъ рисункахъ моды этой эпохи, приходитъ въ отчаяніе отъ быстрыхъ перемѣнъ; онъ пишетъ: «То, что было модно еще вчера, сегодня уже заброшено и забыто; вчера еще короткіе лифы нашихъ модницъ дѣлались съ сердцеобразнымъ вырѣзомъ; сегодня эти лифы спускаются на юбку наподобіе крыльевъ бабочки; вчера шляпы а ля Памела производили фуроръ; сегодня ихъ замѣнили англійскія шляпы; перья, цвѣты и ленты, украшавшіе въ изобиліи вчера головные уборы, замѣнены сегодня кружевами и бусами. Просто нѣтъ возможности услѣдить за всѣми измѣненіями, и ни одинъ карандашъ въ мірѣ не поспѣетъ передать на бумагѣ всѣ эти новыя безразсудныя моды!» Страсть къ драгоцѣннымъ украшеніямъ возрастала все сильнѣе и сильнѣе;

ихъ носили на пальцахъ, на рукахъ, на шеѣ, въ волосахъ; драгоцѣнные камни украшали

1800 г.

тюрбаны и другіе головные уборы. Нельзя себѣ представить, какую массу брилліантовъ

всѣ эти «мервельёзъ» нацѣпляли на себя! Часовыя цѣпочки носились на шеѣ и были такъ длинны, что ниспадали до колѣнъ; онѣ придерживались на груди аграфами изъ бриллiантовъ и другихъ камней. Дорогiе камни, введенные въ моду Жозефиной Бонапарте, замѣняли пряжки у поясовъ; жемчугами вышивали газовыя платья, и жемчужныя нити красовались на бальныхъ прическахъ. Англоманiя стала господствовать въ нравахъ и модахъ; многiя парижскiя щеголихи стали признавать только то моднымъ и элегантнымъ, что привозилось изъ Лондона. Эта манiя усилилась до такой степени, что многiя французскiя портнихи переселились въ Англiю и уже оттуда удовлетворяли прихотямъ своихъ заказчицъ. Туманный Альбiонъ наградилъ парижанокъ теплыми салопами на ватѣ, спенсерами (родъ лифа) съ мѣховой опушкой и долманами. Мало-по-малу всѣ эти нимфы, Merveilleuses, Incroyables сходятъ со сцены житейской; костюмы становятся болѣе приличными и строгими, а во время Имперiи на нихъ какъ бы отражается неуклюжесть и стѣсненiе военныхъ мундировъ.

II.

Типы, манеры и нравы богинь VIII-го года Первой Республики.

Первые дни XIX вѣка не ознаменовались ничѣмъ необычайнымъ, изъ ряда выходящимъ. Для республики онъ начался просто въ день второго Нивоза, VIII-го года ея основанія. Республиканское правительство не только не устроило особенныхъ торжествъ, или праздниковъ, а, напротивъ того, декретомъ Центральнаго бюро было постановлено, чтобы публичные балы, театры и другія увеселительныя заведенія закрывались въ десять часовъ вечера. Это постановленіе, своего рода революція, долженствующая сильно измѣнить привычки и даже нравы всего общества, вызвало недовольство всѣхъ парижанъ. Весь веселящійся Парижъ возмутился противъ подобнаго тираническаго декрета, и въ видѣ протеста красавицы-республиканки гостепріимно от-

крыли свои будуары и салоны, въ которые стали собираться толпы знакомыхъ и поклонниковъ поужинать и поболтать послѣ того, какъ, повинуясь приказаніямъ строгихъ блюстителей общественныхъ нравовъ, стали закрываться такъ рано двери ресторановъ и кафе-шантановъ. Веселыя и жизнерадостныя парижанки не могли примириться съ мыслью рано ложиться спать и съ удовольствіемъ проводили цѣлыя ночи въ разговорахъ и за карточнымъ столомъ; модными играми того времени были буліотъ и реверси. Прелестныя гуріи (модное тогда названіе) галантнаго міра, слѣдуя примѣру свѣтскихъ дамъ, собирали у себя праздную богатую молодежь, и пиры и веселья, вопреки желанію и декретамъ правительства, затягивались на всю ночь.

То же легкомысліе, та же жажда наслажденій господствовали на зарѣ нашего вѣка, впослѣдствіи столь обильнаго великими открытіями, какъ и въ послѣдніе годы минувшаго столѣтія. Но мало-по-малу общество стало удѣлять часть своего времени болѣе серіознымъ удовольствіямъ. Публика охотно принялась посѣщать выставки Мануфактуры гобеленовъ, Музей естественныхъ наукъ, а главнымъ образомъ Салонъ, гдѣ современные художники выставляли свои произведенія, въ кото-

рыхъ трактовались почти исключительно миѳологическія темы. Аллегоріи, любовныя похожденія боговъ Олимпа, портреты знаменитыхъ современныхъ актрисъ въ костюмахъ и съ атрибутами богинь приводили въ восторгъ зрителей. Всѣ эти художественныя изображенія Данай, Марсовъ, Венеръ оказывали даже большое вліяніе на моды: такъ, благодаря «Психеѣ» Жерара кокетки оставили румяна, и въ моду вошла «интересная блѣдность». Театры пользовались тогда большимъ успѣхомъ и, по странной игрѣ случая, давались почти повсюду пьесы изъ семейнаго и вообще домашняго быта всѣхъ классовъ общества, напримѣръ: «Авторъ въ своей семьѣ», «Живописецъ у себя дома», «Актеръ и его семья», «Семейныя развлеченія» и т. д.

1800 г.

Мода и ея разнообразныя измѣненія продолжали болѣе чѣмъ когда-либо занимать видное

мѣсто въ жизни и занятіяхъ женщинъ. Писатели того времени удивлялись безчисленнымъ капризамъ моды, которая, по ихъ словамъ, появлялась неизвѣстно откуда и такъ же быстро исчезала, какъ и являлась; одинъ изъ нихъ говоритъ объ этомъ довольно ѣдко слѣдующее: «Наши модницы мѣняютъ такъ же часто покрой платьевъ, фасонъ шляпъ, стиль своей обстановки и драгоцѣнныхъ украшеній, какъ и любовниковъ; простого каприза, вліянія минуты, взгляда достаточно для того, чтобы такое измѣненіе совершилось. Красавицы нашего времени не ищутъ больше чувства и не стремятся блистать умомъ, онѣ только хотятъ нравиться и нравиться во что бы то ни стало. Никто не заботится объ ихъ талантахъ или способностяхъ, никто не смущается ихъ нравами, въ нихъ ищутъ только красивую наружность, веселость и красивыя формы.» Переодѣваніе было одно время въ большомъ ходу среди богинь (выражаясь языкомъ того времени); манія носить мужской костюмъ овладѣла многими изъ нихъ. Снисходительные поклонники вначалѣ привѣтствовали эту моду, объясняя ее неудобствомъ для женщинъ показываться одной на улицѣ и на публичныхъ зрѣлищахъ, а также трудностью найти всегда кавалера, готоваго сопровождать ее повсюду. Благодаря этой модѣ можно

было часто встрѣтить на улицѣ двухъ дамъ, одну въ мужскомъ костюмѣ, а другую въ костюмѣ Гебы или иной миѳологической богини,

1800 г.

гордо выступающей подъ руку со своимъ импровизированнымъ кавалеромъ. Эти женщины-кавалеры, подражая повѣсамъ и любезникамъ той эпохи, переходили отъ

одной дамы къ другой, болтая, кривляясь, кокетничая и перемигиваясь съ каждой встрѣчной.

Строгіе моралисты утверждали, что отважныя республиканки перенимали у гречанокъ не только ихъ костюмы, но, главнымъ образомъ, ихъ нравы, и что современная Сафо очень часто надѣвала мужское платье, отправляясь на поиски за неизвѣстными лесбійками. Днемъ гуляющая публика избирала цѣлью своихъ прогулокъ Панораму, только-что созданную, и которая, какъ новинка, была въ большой модѣ. Зданіе Панорамы, круглое, безъ оконъ и довольно страннаго вида, привлекало вниманіе зѣвакъ и являлось для нихъ необычайнымъ зрѣлищемъ. Слагались куплеты, распѣвались пѣсни, даже играли водевили, въ которыхъ актеры описывали впечатлѣніе, производимое на посѣтителей Панорамы этимъ, до того времени незнакомымъ, зрѣлищемъ. Разные антрепренеры и устроители увеселительныхъ мѣстъ перенесли свою дѣятельность главнымъ образомъ въ Пале-Рояль; на обширномъ дворѣ, внутри этого дворца былъ разбитъ садъ съ прекраснымъ бассейномъ и фонтаномъ посреди; болѣе десяти бальныхъ залъ помѣщались внутри зданія въ такъ называемыхъ, галлереяхъ. Утромъ садъ посѣщался почтенными семьями, дѣти которыхъ

рѣзвились и играли на травѣ, но уже начиная съ полудня Биржа сбывала туда излишекъ своихъ завсегдатаевъ, не вмѣщающихся въ ея стѣнахъ. Толпы биржевиковъ, ажіотажныхъ игроковъ, мелкихъ маклеровъ кричали, спорили, горячились, придумывали всякія комбинаціи, изощряясь на разныя продѣлки насчетъ кармановъ рантьеровъ. Едва только наступали сумерки и зажигались рѣдкіе тогда фонари, какъ посѣтители Пале-Рояля опять мѣнялись. Шумная, пестрая толпа наводняла галлереи; молодежь, масса военныхъ, старые развратники, праздношатающіеся, а также карманные воришки и полураздѣтыя дѣвы суетились тамъ, сновали, веселились сообразно своимъ вкусамъ и понятіямъ. Тамъ сходились всѣ пороки, разыгрывались самые грубые аппетиты, и пока прелестницы переглядывались и перемигивались съ разными франтами, ловкіе мошенники присвоивали себѣ чужіе платки, часы, кошельки и туго набитые бумажники.

1801 г.

Въ этихъ же галлереяхъ книгопродавцы по вечерамъ выставляли на продажу множество произведеній порнографической литературы. Вообще VIII-ой годъ Республики очень богатъ

1801 г.

такими произведеніями и пользуется извѣстностью среди коллекціонеровъ и любителей подобныхъ галантныхъ исповѣдей, описаній и разоблаченій. Небольшого формата книжечки съ именами и адресами извѣст-

ныхъ легкомысленныхъ красавицъ, съ присоединеніемъ тарифа платы за ихъ продажныя ласки, продавались на виду у всѣхъ и по-

1801 г.

всюду. Игорные дома процвѣтали и нерѣдко у ихъ входа полиція подбирала несчастныхъ, покончившихъ пистолетнымъ выстрѣломъ всѣ свои расчеты съ жизнью.

Большинство женщинъ проводило жизнь въ праздности и пагубномъ бездѣліи, толкающемъ ихъ на путь порока и чувственныхъ увлеченій. Революція какъ бы вытолкнула ихъ на улицу, она лишила ихъ семейной жизни, религіи, вѣрованій, традицій и твердыхъ принциповъ. Упомянутый уже выше талантливый рисовальщикъ и суровый республиканецъ Мерсье говоритъ о женскихъ нравахъ того времени слѣдующее: «Еще никогда не были женщины такъ хорошо одѣты, такъ разряжены, какъ въ началѣ этого вѣка. Онѣ всѣ носятъ легкія, подобныя нѣжному облаку, шали, едва прикрывающія ихъ обнаженную грудь; концы этихъ шалей развѣваются отъ дуновенія вѣтра вокругъ ихъ головы, скрывая наполовину лицо, вызывая этимъ любопытство и привлекая взоры; онѣ носятъ платья, не мѣшающія имъ казаться голыми. И въ такомъ нарядѣ сильфиды можно видѣть женщину на улицѣ во всякое время дня, утромъ, въ полдень и вечеромъ. Каждая новая заря является какъ бы сигналомъ новаго удовольствія, новаго необычайнаго зрѣлища или роскошнаго бала. И проходятъ онѣ передъ вами подобно воздушнымъ тѣнямъ; кажется, у нихъ нѣтъ рукъ, но зато какъ умѣютъ говорить ихъ глаза и какъ умѣло онѣ ими пользуются! Нѣсколько лѣтъ тому

назадъ ихъ стриженные волосы, модная прическа нашихъ дней, считались бы клеймомъ позора. Что думать объ этихъ безконечныхъ прогулкахъ, объ ежедневныхъ посѣщеніяхъ всякихъ зрѣлищъ и увеселеній! Не катитъ

1802 г.

ли Пактолъ свои золотыя волны среди Парижа? Кто оплачиваетъ всѣ эти удовольствія? Насчитываетъ ли наша столица больше милліонеровъ, нежели другіе города на свѣтѣ и пользуются ли наши женщины привилегіей проводить всѣ дни въ веселіи и ни-

чегонедѣланіи? Чтеніе романовъ, танцы, бездѣльничаніе—вотъ ихъ главное занятіе и обязанности, и онѣ добросовѣстно исполняютъ ихъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ молодая дѣвушка одна, безъ матери или родственницы, не осмѣлилась бы переступить порога родительскаго дома; мужчина, на котораго она рѣшилась бы поднять свои скромно опущенные глаза, былъ только тотъ, кого родители предназначали ей въ спутники жизни. Революція все измѣнила, и молодыя дѣвушки теперь бѣгаютъ по улицамъ съ утра и до вечера, ходятъ къ гадалкамъ, отбиваютъ другъ у друга поклонниковъ, а подчасъ и любовниковъ. Ихъ пальцы не знаютъ ни наперстка, ни нитки, имъ знакомы лишь уколы стрѣлъ крылатаго божка, но и эти уколы такъ не глубоки, что, едва выйдя изъ дѣтскихъ лѣтъ, онѣ излѣчивались уже отъ этихъ ранъ. Развратъ стали принимать за любовь, а слишкомъ ранніе союзы могли только дать слабое и больное потомство.»

Французское общество, къ счастію, нашло скоро преобразователя въ лицѣ Наполеона Бонапарта, который сумѣлъ его дисциплинировать. И страна вновь вернулась къ своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, къ традиціямъ и общественнымъ приличіямъ. Послѣ 18 Брюмера умственное господство женщинъ вошло опять въ силу; са-

лоны также вошли вновь въ моду, и въ нихъ возродилось искусство разговора, которое въ теченіе 8 лѣтъ было изгнано изъ Франціи, его родины. Сразу открылись нѣ-

1802 г.

сколько салоновъ; изъ нихъ болѣе замѣчательными были салоны Жозефины Бонапартъ и г-жи де-Сталь. Пока мужъ ея упрочивалъ соціальное положеніе страны, Жозефина при-

влекала на свои вечера и праздники всѣ интеллигентныя силы націи, она группировала вокругъ себя художниковъ, писателей, ученыхъ и товарищей по оружію и по славѣ ея мужа. Она своей врожденной кокетливостью и мягкостью, а, главнымъ образомъ, своими привѣтливыми, хотя не лишенными извѣстной доли фривольности, манерами очаровывала всѣхъ.

Пріемы въ Тюльери носили очень оффиціальный характеръ, а потому Жозефина предпочитала жить въ своемъ дворцѣ Мальмезонѣ. Тамъ въ интимномъ кружкѣ забывался строгій этикетъ и оффиціальный тонъ; первый консулъ не отказывался послѣ обѣда бѣгать взапуски со своими адъютантами, играть въ саду въ разныя игры, а по вечерамъ любители сценическаго искусства развлекали общество, разыгрывая разные «провербы» и водевили. Прекрасная хозяйка Мальмезона, тогда во всемъ блескѣ красоты и счастія, не подозрѣвала, что настанетъ время, когда, ради политическихъ и государственныхъ соображеній, послѣ громкаго и скандальнаго развода, этотъ мирный пріютъ превратится для нея въ мѣсто вѣчнаго изгнанія.

Салонъ г-жи Сталь слѣдовало бы вѣрнѣе назвать «говорильней»; въ немъ собиралось самое разнообразное общество и

обсуждались всевозможные политическіе вопросы. Сама хозяйка очень любила споры и пренія; ее занимало, когда ея гости начинали оспаривать самыя оригинальныя и не-

1803 г.

возможныя положенія и теоріи. Но уже къ концу Перваго консульства салонъ ея сталъ утрачивать свое политическое значеніе и силу; всѣ, которые посѣщали ее, считались

опальными людьми, и будущіе царедворцы и льстецы будущаго императора изъ предусмотрительности держались отъ нея подальше.

1803 г.

Салонъ красавицы Рекамье былъ спеціально литературнымъ салономъ; тамъ были изгнаны всѣ политическіе разговоры и споры. Красота хозяйки прославила ее въ такой же степени, какъ и ея умъ. Судя по портретамъ, писаннымъ съ нея Жераромъ и Давидомъ,

она вполнѣ оправдывала эту славу. Общество въ то время состояло изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, преслѣдующихъ различные цѣли и интересы; это были большею частью люди тщеславные, самонадѣянные, съ большими претензіями и мелочно самолюбивые. Нужно было большое умѣніе и большой тактъ, чтобы, собирая вокругъ себя это общество, сглаживать всѣ возникавшія шероховатости, мирить и успокоивать всѣ задѣтыя самолюбія; именно этимъ даромъ обладала г-жа Рекамье. Въ ея салонѣ встрѣчались люди самыхъ различныхъ направленій, и если вначалѣ, благодаря все возрастающей славѣ арміи, военные тамъ какъ бы первенствовали, то сама хозяйка всегда высказывала предпочтеніе таланту, а не рангу и мѣсту и цѣнила истиннаго артиста больше, чѣмъ ловкаго царедворца. Она первая ста-

1804 г.

ла устраивать частные балы у себя въ домѣ и умѣла ихъ разнообразить то концертнымъ отдѣленіемъ, то небольшимъ спектаклемъ. Она же первая ввела въ моду танецъ съ шалью, который потомъ съ такимъ увлеченіемъ танцовали наши бабушки.

Уже съ первыхъ дней VIII-го года «прекрасныя богини» (модное названіе дамъ) стали интересоваться военнымъ дѣломъ; онѣ посвящали обыкновенно утро смотрамъ, парадамъ и не пропускали ни одной торжественной встрѣчи побѣдныхъ войскъ. Возвратившіеся эмигранты внесли новое оживленіе и новыя моды въ общество. Благодаря ихъ инціативѣ возродились вновь костюмированные балы и маскарады. Многіе изъ нихъ стали носить напудренные парики и кружевныя жабо, другіе же—сѣтки для волосъ или же косу. Бонапартъ своей прической какъ бы покровительствовалъ короткимъ волосамъ, но зато его противники и недовольные имъ тотчасъ же усвоили себѣ модныя прически эмигрантовъ. Нѣсколько почтенныхъ матронъ, находя, что римскіе и греческіе костюмы испортили нравы, вернулись къ прежнимъ модамъ. Но Жозефина стала во главѣ оппозиціоннаго лагеря, она ненавидѣла все стѣсняющее, все тяжелое и накрахмаленное; свободныя, низко вырѣзанныя платья, эффектно обрисовывавшія ея кра-

сивыя формы, были ей болѣе по вкусу, нежели панье и фижмы минувшаго вѣка.

Самыя ярыя послѣдовательницы капризной моды носили въ эпоху Перваго консульства богато украшенныя длинныя юбки изъ индійской ткани, необычайно нѣжной и воздушной; на чулкахъ вышивались гирлянды дубовыхъ, виноградныхъ и лавровыхъ листьевъ; лифъ не былъ пришитъ къ юбкѣ и назывался канзу, воротъ обшивался старинными кружевами малинь (Malignes) и пуэнтъ-а-легюиль (point-à-l'aiguille). Самый распространенный головной уборъ

1804 г.

былъ родъ берета изъ чернаго бархата, съ двумя бѣлыми перьями; на плечи красиво набрасывалась шаль довольно яркихъ тоновъ; эти шали носили дома и на улицѣ. Жозефина Бонапартъ ввела въ моду бѣ-

лыя мягкія нѣжныя матеріи, и эта мода нашла много послѣдовательницъ. Носили много драгоцѣнныхъ украшеній; самыми модными были золотые крестики, осыпанные жемчугами или брилліантами; ювелиры изощряли свой вкусъ и свое искусство, воспроизводя античные гребни, богато украшенные камнями и рѣзьбой. Шелковыя и бархатныя ватныя шубки распространялись очень быстро среди модницъ; ихъ дѣлали цвѣта «флорентинской бронзы», «темнаго трубочиста» и темно-синія. Послѣ длинныхъ и четыреугольныхъ кашемировыхъ шалей вошли въ моду шарфы длинные, но узкіе, яркихъ цвѣтовъ. Ихъ называли турецкими, потому что ихъ рисунки напоминали восточные рисунки. Вѣера, очень маленькіе, дѣлались изъ крепа бѣлаго, чернаго и коричневаго, на нихъ вышивали золотыми, серебряными или стальными блестками арабески, плакучія ивы, водопады и снопы. Крышки карманныхъ часовъ украшались эмалью, и модницы очень часто носили нѣсколько штукъ одновременно. Перчатки, длинныя, покрывали совершенно руки до плечъ, онѣ были безъ пуговицъ, бѣлыхъ, соломенныхъ и блѣдно-зеленоватыхъ цвѣтовъ. Разговорный языкъ, меню стола и меблировка комнатъ—все подчинялось модѣ. Роскошь и жажда разнообразія дошли до такой сте-

пени, что женщина, одѣтая въ платье римскаго покроя, должна была принимать гостей въ комнатѣ, омеблированной въ римскомъ вкусѣ, и модницы должны были постоянно мѣнять платье и мебель.

Самымъ любимымъ и роскошнымъ предметомъ меблировки была кровать; ее

1804 г.

дѣлали изъ лимоннаго или палисандроваго дерева; индійская кисея, обшитая богатыми кружевами, употреблялась для полога; подушки украшались вышивками, а одѣяла дѣлались изъ атласа, богато

вышитыя шелками; иногда стоимость такой постели составляла цѣлое состояніе. Во время пріемовъ всѣ комнаты были открыты посѣтителямъ и освѣщены; хозяйка дома обыкновенно принимала въ гостиной, а гости могли, соображаясь со своимъ вкусомъ, переходить изъ комнаты въ комнату, любуясь тутъ китайскимъ будуаромъ, тамъ комнатой въ греческомъ стилѣ, или римской кроватью и античной мебелью.

Общество было самое смѣшанное; едва ли даже существовала какая-либо черта, раздѣляющая то, что прежде называлось порядочнымъ обществомъ, отъ другого. На общественныхъ балахъ встрѣчались рядомъ женщины большого свѣта и представительницы галантнаго міра, старинные дворяне и авантюристы. На большихъ званыхъ обѣдахъ собирались люди, не знакомые другъ съ другомъ; каждый даже боялся спросить, кто его сосѣдъ; женщины разсказывали громко такія вещи, о которыхъ онѣ бы въ прежнее время стыдились подумать про себя; самодовольная и въ высшей степени фатоватая молодежь вела себя шумно, дерзко и нахально. Время карнавала являлось какимъ-то сплошнымъ маскарадомъ; отовсюду изъ провинціи стекались въ Парижъ толпы людей; всѣ улицы, увеселительныя мѣста, зрѣлища были переполнены посѣтителями въ шу-

товскихъ, подчасъ остроумныхъ, но большей частью пошлыхъ и даже неприличныхъ костюмахъ. Веселье переходило въ настоящую оргію; повсюду разыгрывались грубые фарсы, вызывавшіе хохотъ зрителей; богатые и самые бѣдные принимали участіе въ этихъ праздникахъ, въ этихъ безконечныхъ балахъ. Не было дома, не было семьи, гдѣ бы не раздавались звуки шутовской погремушки, призывая къ веселью и танцамъ. Забывалось все: и прошлое горе, и нужды настоящаго, и страхъ будущаго,—все это тонуло въ какомъ-то морѣ наслажденій, шумнаго и дикаго восторга, близко граничившаго съ сумасшествіемъ. Роскошь въ эти дни доходила до крайнихъ предѣловъ; даже самыхъ бѣдныхъ не удовлетворяла больше знаменитая курица Генриха IV [1]),—это считалось уже слишкомъ вульгарнымъ кушаньемъ, и жирный гусь замѣнилъ ее на обѣденномъ столѣ самаго скромнаго буржуа. Шатобріанъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ объ этой эпохѣ слѣдующее: «Разбогатѣвшіе республиканцы переселялись мало-по-малу въ роскошные отели предмѣстья Сенъ-Жерменъ. Мечтая о баронскихъ и княжескихъ титулахъ, якобин-

---

[1]) Генрихъ IV говорилъ, что счелъ бы себя счастливымъ королемъ, если бы зналъ, что бѣднѣйшій изъ его подданныхъ можетъ ѣсть курицу по праздникамъ.

цы заговорили объ ужасахъ 1793 года, о необходимости обузданія пролетаріата и о томъ, что нужно сдерживать грубые порывы черни. Бонапартъ превратилъ этихъ Брутовъ и Сцеволъ въ своихъ полицейскихъ агентовъ, покрывъ ихъ пестрыми орденскими ленточками, собираясь наградить ихъ, кромѣ того, титулами, и день за днемъ незамѣтно, но постепенно республиканцы превращались въ имперіалистовъ, а деспотизмъ одного лица долженъ былъ вскорѣ замѣнить тиранію всѣхъ республиканскихъ главарей».

III.

Первая Имперія.

Императрица Жозефина и ея интимный кружокъ явились въ первое время Имперіи законодателями модъ, которыя изъ Парижа распространились не только во всей странѣ, но и далеко за ея предѣлами. Въ этомъ кружкѣ господствовалъ веселый, непринужденный, если такъ можно выразиться, добродушный тонъ; придворныя интриги старинныхъ дворовъ были еще тамъ пока неизвѣстны. Раза два въ недѣлю приглашались на парадные ужины въ Тюльери выдающіяся личности, военные, ученые и писатели. Собирались къ восьми часамъ вечера; туалеты дамъ были роскошные и изысканные; сначала обыкновенно играли въ карты въ гостиной императрицы; когда же выходилъ императоръ, то всѣ переходили въ концертный залъ, гдѣ италіанскіе пѣвцы въ

продолженіе получаса, самое большее,—часа, услаждали слухъ гостей своимъ пѣніемъ, а затѣмъ игра въ карты возобновлялась. Въ одиннадцать часовъ подавался прекрасный ужинъ; однѣ только дамы садились за столъ. Наполеонъ ходилъ вокругъ стола, разговаривая съ ними, но самъ ничего не ѣлъ, и, какъ только оканчивался ужинъ, онъ удалялся въ свои покои. На этихъ вечерахъ всегда присутствовали принцы и принцессы; эти послѣднія другъ передъ другомъ соперничали въ роскоши туалетовъ. Онѣ, подражая императрицѣ, являлись покрытыя драгоцѣнными камнями и золотыми украшеніями, стараясь почти каждый разъ надѣвать новые уборы. Тогда вошли въ моду матеріи, затканныя золотомъ и серебромъ, а также головные уборы—чалмы или тюрбаны, которые дѣлались изъ кисеи, вышитой золотомъ, или изъ яркихъ турецкихъ тканей; въ покроѣ всей одежды сталъ господствовать восточный вкусъ.

На большихъ придворныхъ пріемахъ являлись только особы, представленныя ко двору; дамы, согласно этикету, были только въ придворныхъ платьяхъ съ длинными приставными шлейфами, которые дѣлались изъ бархата, вышивались золотомъ и даже драгоцѣнными камнями. Мужчины были въ мундирахъ или въ одеждахъ, присвоенныхъ тому

учрежденію, гдѣ они служили, а многіе, желавшіе понравиться императору, любившему роскошные костюмы, въ бархатныхъ или атласныхъ кафтанахъ, богато вышитыхъ шелками.

На этихъ ультра-оффиціальныхъ пріемахъ разговаривали очень мало, зато много наблюдали и слушали, разбивались на отдѣльные кружки; старинная аристократія относилась съ пренебреженіемъ къ «выскочкамъ» новой Имперіи и сторонилась отъ нихъ; поэтому затаенная враждебность царила въ этихъ салонахъ, она чувствовалась въ колкихъ, подчасъ очень мѣткихъ, замѣчаніяхъ, въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыми обмѣнивались оба лагеря. Было принято, чтобы императрица садилась съ тремя самыми именитыми вельможами за партію виста; остальные же приглашенные группировались вокругъ этого стола; императоръ игралъ очень рѣдко, онъ переходилъ отъ одной группы къ другой, останавливаясь предпочтительно передъ дамами, съ которыми любилъ шутить.

Вопреки установившемуся мнѣнію, Наполеонъ любилъ женщинъ, но чувствовалъ опасность отдаваться этому чувству: онъ боялся вліянія женщины, ея интригъ и козней; въ его памяти какъ бы навсегда запечатлѣлась исторія Сам-

сона и Далилы. Онъ презрительно отказывался отъ продолжительной и правильной осады женскаго сердца, предпочитая являться прямо побѣдителемъ. Въ сущности, это былъ весьма плачевный любовникъ, болѣе деспотичный, чѣмъ нѣжный, иногда даже грубый и очень часто циничный. Единственная женщина, сумѣвшая плѣнить его на болѣе продолжительное время, была Жозефина, которая дѣйствовала на него своей изнѣженностью креолки, своей мягкостью и уступчивостью. Но и ей часто приходилось переносить фантазіи и требованія ея непреклоннаго властелина.

1805 г.

Побѣды Наполеона надъ женщинами доставались ему весьма легко; мало находилось красавицъ, которымъ не вскружили бы голову его геній, его слава и необычайное возвышеніе; къ тому же онъ обладалъ, какъ то свидѣтельствуетъ его портретъ, написанный художникомъ Гро, особенной красотой и ка-

кой-то притягательной и неотразимой прелестью. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, достигнувъ трона, онъ сталъ предметомъ обожанія и поклоненія почти всѣхъ прекрасныхъ парижанокъ. Его камердинеръ осаждался каждый день толпой просительницъ, умолявшихъ его передать императору разныя любовныя посланія и даже предложенія. Въ своихъ мемуарахъ Констанъ, его первый камердинеръ, съ чувствомъ собственнаго достоинства говоритъ: «Я никогда не соглашался оказывать содѣйствіе въ подобныхъ дѣлахъ,—я вѣдь не былъ важнымъ вельможей, который можетъ находить подобнаго рода занятіе почетнымъ.»

Императрица Жозефина получала болѣе семисотъ тысячъ франковъ въ годъ на свои личные расходы, но она была до такой степени легкомысленна и расточительна, что этой суммы далеко не хватало на исполненіе всѣхъ ея капризовъ, и ей постоянно приходилось прибѣгать къ помощи кошелька ея супруга, чтобы расплатиться съ безчисленными должниками. Въ ея покояхъ въ Тюльери царили вѣчный безпорядокъ и суета. Двери ея осаждались цѣлый день бѣдными родственниками, торговками, гадалками, ювелирами, живописцами и миніатюристами, которымъ она заказы-

вала безчисленное количество своихъ портретовъ, раздававшихся ею потомъ безъ всякаго разбора: друзьямъ, торговцамъ, временнымъ ея поставщикамъ и даже ея горничнымъ. Она въ своей частной жизни не могла и не хотѣла подчиняться никакому этикету или соблюдать какія-нибудь внѣшнія правила и приличія. Комнаты ея были превращены въ какой-то модный караванъ - сарай, и въ него былъ открытъ совершенно свободный доступъ восточнымъ купцамъ и торговкамъподержанныхъ вещей. Наполеонъ запретилъ входъ во дворецъ всей этой грязной, жадной и мошеннической толпѣ; онъ потребовалъ отъ императрицы формальнаго обѣщанія не допускать къ себѣ этихъ выходцевъ изъ еврейскихъ кварталовъ Парижа; Жозефина давала обѣщаніе, просила прощенія, проливала слезы, а на завтра же ухитрялась такъ устроить, чтобы эти ходячія

1805 г.

толкучки опять наводняли своими пыльными товарами ея салоны.

Ей жилось привольно и пріятно только среди этихъ тюковъ старинныхъ восточныхъ тканей, шалей, кружевъ и персидскихъ вышивокъ; она любила больше всего тусклый блескъ драгоцѣнныхъ украшеній, пріобрѣтаемыхъ по случаю. Безпрестанно приносили ей множество шалей, бездѣлушекъ, матерій, и она все безъ разбора покупала, не справляясь о цѣнѣ и забывая почти тотчасъ же о покупкѣ. Все ея бѣлье было отдѣлано старинными драгоцѣнными кружевами; она мѣняла бѣлье три раза въ день и всегда надѣвала только новые чулки. Число ея шалей достигало до четырехсотъ; она употребляла ихъ на платья, какъ покрывало для кровати и дѣлала изъ нихъ даже подушки для своихъ собакъ. Страсть къ шалямъ и вообще къ восточнымъ издѣліямъ появилась вслѣдъ за возвращеніемъ войскъ изъ Египта, когда французскіе корабли, вернувшись обратно, навезли массу тканей и другихъ предметовъ восточнаго производства. Тогда Жозефина бросила всѣ костюмы античнаго покроя, камеи, броши и серьги, вывезенныя ею изъ Италіи, для того, чтобы одѣться въ индійскую кисею и шелка; она стала носить тюрбанъ, затканный золотомъ, и пристрастилась къ восточнымъ вышивкамъ.

Отъ природы лѣнивая, она не любила ни чтенія, ни какого-либо другого интеллектуальнаго занятія, она никогда не читала и писала только по необходимости; наряды, украшеніе садовъ и комнатъ были единственно любимыя ею занятія. Она даже не любила театра и появлялась тамъ только по желанію императора. Цѣлый день проходилъ у нея главнымъ образомъ въ перемѣнѣ туалетовъ и причесокъ; ея любимыя платья были сдѣланы изъ бѣлой матеріи, такой нѣжной и воздушной, что казались какъ бы сотканными изъ тумана, что не мѣшало этой матеріи стоить отъ ста до полутораста франковъ за локоть (французскій локоть = 80 сантиметрамъ).

1806 г.

Страсть къ нарядамъ сохранилась въ продолженіе всей ея жизни; послѣ развода, живя затворницей въ Мальмезонѣ, почти не видя никого, она, тѣмъ не менѣе, продолжала такъ же роскошно одѣваться, а въ день смерти

она приказала одѣть на себя богатый капотъ, ожидая, что ее посѣтитъ русскій императоръ. Она такъ и умерла покрытая кружевами и бантами. Понятно, что всѣ принцессы старались наперерывъ, если не перещеголять, то, по крайней мѣрѣ, поравняться въ роскоши туалетовъ съ императрицей, но надо было дѣлать это умѣло, не задѣвая ея самолюбія.

1806 г.

Королева Гортензія одѣвалась очень роскошно, но съ большимъ вкусомъ, умѣніемъ и тактомъ; Каролина Мюратъ и Паулина Боргезе, напротивъ того, старались пышностью и пестротой затмить Жозефину: развѣ имъ, урожденнымъ Бонапартъ, можно было въ чемъ-либо уступить какой-то Богарне! Онѣ забывали всякую умѣренность въ украшеніяхъ, потеряли вся-

кій вкусъ и превратились чуть ли не въ ходячую ювелирную выставку. Другія дамы, слѣдуя ихъ примѣру, также нацѣпляли на себя массу драгоцѣнныхъ украшеній, такъ что, по словамъ современнаго писателя, казалось, будто появился Аладинъ со своей волшебной лампой и роздалъ направо и налѣво всѣ свои драгоцѣнные камни.

1807 г.

Перваго января 1806 года прекратилось республиканское лѣтосчисленіе, продолжавшееся 13 лѣтъ, — стали вновь употреблять грегоріанскій календарь, и такимъ образомъ исчезъ послѣдній слѣдъ республики. Вся Франція преклонялась передъ своимъ новымъ кумиромъ, Наполеономъ. Повсюду привѣтствовали его, какъ тріумфатора, повсюду раздавались восторженные крики: «Побѣда, побѣда, да здравствуетъ великая армія, да здравствуетъ императоръ!» Въ оперѣ и другихъ театрахъ хоры пѣли гимны въ

честь Наполеона, и солдаты чествовались повсюду, какъ герои. Оффиціальные вечера, балы, концерты слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно; сенаторы, члены Законодательнаго корпуса, маршалы Имперіи устраивали великолѣпныя празднества въ честь императора. Эти праздники отличались неслыханной роскошью; блестящіе мундиры военныхъ прекрасно гармонировали съ затканными золотомъ и покрытыми драгоцѣнностями платьями модницъ Имперіи.

Моды стали нѣсколько скромнѣе; не рѣшались уже такъ явно обнажать свои формы; стыдливый газъ прикрывалъ слишкомъ низкій вырѣзъ лифовъ, но талія продолжала быть очень короткой, поднимая грудь на неестественную высоту. Несмотря на холодъ храбрыя парижанки появлялись на улицѣ съ едва прикрытыми руками; ноги ихъ были обуты въ легкія туфельки и ажурные чулки; онѣ носили на прогулкѣ мѣховыя кофточки, опушенныя лебяжьимъ пухомъ, но открытыя на груди. Если мужчины той эпохи бравировали жизнью ради славы, то представительницы прекраснаго пола дѣлали это ради моды,—не даромъ же сложилась во Франціи поговорка: «Чтобы стать красивой, можно и пострадать» (Pour être belle, il faut souffrir). Платья стали дѣлать пышными; плечи искусственно расширялись

чѣмъ-то въ родѣ наплечниковъ; носили круглое декольте, такъ эффектно выказывавшее всю красоту шеи и красивую посадку головы. Румяна были почти изгнаны, и матовая блѣдность была въ большой модѣ. Юбки бальныхъ или вечернихъ туалетовъ покрывались цвѣтами; гирлянды розъ, геліотропа, жасмина, гвоздики, бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ лавроваго дерева были самыми любимыми украшеніями той эпохи. Затѣмъ стали носить платья à la трубадуръ, шляпы въ видѣ амбразуръ или стѣнныхъ зубцовъ, рукава à la мамелюкъ. Отъ этихъ модъ повѣяло чѣмъ-то готическимъ, феодальнымъ; то же вѣяніе чувствовалось въ мрачныхъ, сентиментальныхъ и напыщенныхъ тогдашнихъ произведеніяхъ романтической литературы Дюкре-Дюмениля, г-жи Ратклифъ и др.

1808 г.

Съ 1806-го по 1809 годъ мода на золотыя украшенія и драгоцѣнные камни дошла до такой степени, что всѣ женщины стали по-

ходить на ювелирныя лавки: кольца носились на всѣхъ пальцахъ, часовыя цѣпочки обвивались по нѣсколько разъ вокругъ шеи, тяжелыя подвѣски громадныхъ серегъ оттягивали уши, на руки надѣвали массу браслетовъ различныхъ формъ и фасоновъ, нити жемчуговъ вплетались въ волосы и ниспадали на плечи. Въ большой модѣ были діадемы, у которыхъ одна половина была осыпана брилліантами, а другая жемчугомъ, и большія золотыя шпильки, поддерживавшія прически. Носили также всевозможныя колье, изъ нихъ самое модное было, такъ называемое, «колье-побѣдитель»: оно состояло изъ множества сердецъ, сдѣланныхъ изъ разныхъ камней и даже изъ пальмоваго дерева; всѣ эти сердца были укрѣплены на золотой цѣпочкѣ. Злоупотребленіе драгоцѣнностями дошло до того, что вызвало реакцію, и въ 1810 году считалось признакомъ хорошаго тона не носить совсѣмъ золотыхъ вещей.

День модницы первой Имперіи былъ весь почти посвященъ туалету: лишь только она вставала, какъ тотчасъ же погружалась въ ванну изъ миндальнаго молока, затѣмъ по выходѣ изъ нея она отдавала себя въ руки мозольнаго оператора и полировщика ногтей; послѣ этой процедуры красавица надѣвала почти прозрачный кружевной капотъ

и садилась за завтракъ. Тотчасъ же появлялись торговки, модистки и портнихи; за ними слѣдовалъ неизбѣжный и необходимый профессоръ хорошихъ манеръ и поклоновъ, который обыкновенно слылъ подъ именемъ мосье Курбетъ (Courbette — поклонъ); онъ въ продолженіе часа училъ, какъ нужно граціозно протягивать, округлять и сгибать руку, изящно кланяться и прямо держаться. Послѣ него являлся секретарь; онъ отвѣчалъ на письма или писалъ ихъ отъ имени хозяйки дома, а также пригласительные билеты и записки. Наступало время прогулки; переодѣвшись въ амазонку, красавица отправлялась въ Булонскій лѣсъ посмотрѣть на другихъ и себя показать. Возвратясь оттуда, она примѣряла платья, сшитыя по ея заказу, или же выбирала фасоны для новыхъ костюмовъ; это занятіе прерывалось появленіемъ парикмахера, который, какъ истинный артистъ, измышлялъ для каждаго лица, для

1810 г.

каждой красоты другую прическу. Наступалъ вечеръ, и модница, одѣтая въ богатое шелковое платье или въ воздушный крéповый костюмъ, отправлялась въ ложу театра Буффъ или же въ другой театръ смотрѣть модную пьесу. Ужинъ ожидалъ ее дома, гдѣ раскрытые карточные столы удерживали ея знакомыхъ и друзей до глубокой ночи. Какъ только послѣдній гость уходилъ, она звала своихъ горничныхъ, ложилась и, утомленная такимъ днемъ бездѣльничанья, засыпала среди подушекъ подъ воздушнымъ пологомъ, не позабывъ, однако, надѣть перчатки, чтобы сохранить бѣлизну и нѣжность рукъ.

Съ 1805-го по 1814 годъ мода мѣнялась каждую недѣлю, такъ что просто не было возможности услѣдить за всѣми ея измѣненіями. Издатели модныхъ журналовъ не поспѣвали подносить новинокъ своимъ читательницамъ, несмотря на то, что выпускали новые нумера два раза въ недѣлю. Въ 1808 году стали носить локоны длинные или à la Нинонъ, безъ всякихъ украшеній и даже преднамѣренно небрежно, хотя артистически расположенными вокругъ головы. Перья, которыя прежде надѣвались при парадныхъ костюмахъ на балы и оффиціальные пріемы, допускались теперь только на утреннихъ шляпахъ. Рукава у лифовъ дѣлались въ видѣ буфъ, очень пышными, такъ какъ считалось

красивымъ, чтобы руки казались полными; платье должно было ложиться красивыми складками, и дама не говорила про себя: «я хорошо одѣта»,—но «какъ я красиво драпирована».Стали провозглашать, что «чѣмъ красивѣе женщина, тѣмъ меньше нуждается она въ украшеніяхъ»; находили, что она должна быть одѣта просто, но изящно, что нарядъ только тогда красивъ, когда онъ отличается вкусомъ и элегантностью, а не эксцентричностью и богатствомъ тканей, и что драгоцѣнныя украшенія не нужны и смѣшно нацѣплять на себя массу блестящихъ побрякушекъ. Приходили къ заключенію, что страсть къ нарядамъ и тщеславіе—неразлучные спутники дурного тона. Дорогія матеріи, затканныя золотомъ и серебромъ, перестали быть въ фаворѣ, позволялось лишь носить шарфъ или шаль, вышитые золотомъ, и то только на балахъ или

1811 г.

въ театрахъ. Прекрасныя парижанки танцуютъ «болеро» и «шика» (chica), и хотя онѣ продолжаютъ страстно любить танцы и увеселенія, онѣ напускаютъ на себя скучающій видъ и объявляютъ, жалобнымъ, почти умирающимъ голосомъ, что всѣ удовольствія скучны, однообразны и страшно надоѣли имъ. Въ хорошую погоду весь Парижъ—на улицѣ: рантье степенно прогуливаются на бульварахъ дю-Марэ (du Marais); писатели отправляются рыться среди антикварнаго книжнаго хлама, выставленнаго по набережной Сены; матери семействъ прогуливаются со своими дѣтьми на Монмартрскихъ бульварахъ, или близъ знаменитой Панорамы; модницы, желающія показать во всемъ блескѣ свои новые костюмы и красивые экипажи, ѣдутъ въ Булонскій лѣсъ; другія женщины, желающія плѣнять только своей красотой и фигурой, отправляются въ Елисейскія Поля; тамъ онѣ разсматриваютъ пѣшеходовъ и молодыхъ людей, гарцующихъ передъ ними верхомъ, и критикуютъ туалеты дамъ, ѣдущихъ въ Булонскій лѣсъ.

Самыми модными часами для прогулокъ въ экипажахъ и верхомъ считалось время отъ 12 до 3. Вечеромъ съ удовольствіемъ смотрятъ новые фокусы двухъ знаменитыхъ тогда фокусниковъ, Оливье и Ро-

вель, усердно посѣщаютъ «Théâtre français» и оперу, но къ «Vaudeville» относятся съ большимъ пренебреженіемъ. Зато наперерывъ другъ передъ другомъ разсказываютъ, что провели «божественные» часы въ Академіи Искусствъ и въ музеяхъ. Всѣ клубы переполнялись посѣтителями, большею частью мужчинами; женщины уже рѣже начинаютъ тамъ бывать. Послѣднее слово хорошаго тона (le fin du fin) требовало, чтобы мужчины пренебрегали въ какомъ-нибудь салонѣ всѣми присутствующими женщинами для того, чтобы группироваться вокругъ одной самой красивой, смотрѣть пристально

1813 г.

на нее, громко разговаривать объ ея прелестяхъ и восторгаться ея умомъ. Когда же начинали танцовать въ этомъ салонѣ, то подъ звуки гавота выступала одна пара, а всѣ остальные окружали танцую-

щихъ, и красивыя па вызывали восторгъ и аплодисменты зрителей; кричали «браво» и хвалили танцоровъ. Утомленная танцами, дама ложилась отдохнуть на одну изъ парадныхъ греческихъ кроватей, а кавалеръ, окруженный молодежью, расточающей ему похвалы, обмахивался своимъ платкомъ, говоря съ важнымъ и самодовольнымъ видомъ: «Да, у меня было нѣсколько вдохновенныхъ па, но это еще далеко не то, не совершенство, je n'ai fait que chiffonner la gavotte (т.-е., я только скомкалъ танецъ).

1813 г.

Въ началѣ 1807 года распространился среди публики родъ циркуляра, озаглавленнаго: «Ежегодный расходъ парижской модницы». Злые языки утверждали, что это написалъ какой-нибудь наученный горькимъ опытомъ мужъ, превратившійся на старости лѣтъ въ экономиста. Не безъинтересно при-

вести для современной читательницы нѣкоторые пункты этого своеобразнаго ежегодника: на первомъ мѣстѣ стоятъ шляпы,—ихъ было столько же, сколько дней въ году, т.-е., 365, столько же паръ обуви, 250 паръ чулокъ, но зато всего 12 рубашекъ. Учитель танцевъ и хорошихъ манеръ получалъ 5000 франковъ въ годъ, а бѣдный учитель французскаго языка долженъ былъ довольствоваться тремя стами франковъ. Интересенъ и тотъ фактъ, что особа, которая можетъ тратить такъ много денегъ на удовлетвореніе своихъ капризовъ, жертвуетъ только сто франковъ въ годъ на общественную благотворительность. Итогъ этихъ ежегодныхъ расходовъ превышалъ триста тысячъ франковъ въ годъ,—сумма довольно крупная даже для нашего времени, когда цѣны выросли чуть ли не втрое. Шали продолжали считать главнымъ предметомъ дамскаго туа-

1814 г.

лета, за нихъ платили большія деньги, но онѣ не были уже такъ рѣдки, какъ во времена Директоріи. Сначала онѣ считались рѣдкостью и возбуждали желаніе и зависть прекрасныхъ дамъ, но затѣмъ ихъ стали производить въ огромномъ количествѣ; восточные рынки наводнили ими всю Европу, и шали стали даже употребляться для обивки мебели и для драпировокъ. Дамы носили ихъ на плечахъ, дѣлали платья, повязывали въ видѣ чалмы на головѣ. Но настоящія кашемирскія и вообще индійскія шали цѣнились очень дорого; обладаніе ими было завѣтной мечтой всякой парижанки и ради этого забывалось все—и благоразумная экономія, и даже честь, которою, по словамъ англичанки леди Морганъ, жертвовала не одна француженка, лишь бы на плечахъ красовалась «дивная кашемирская шаль». Вопросъ о шаляхъ былъ для большихъ модницъ важнѣе вопросовъ политическихъ, экономическихъ и биржевыхъ. Можно даже сказать, что цѣнность женщины котировалась на модной биржѣ количествомъ шалей, которыми она обладала.

Большинство модницъ не могло себѣ даже представить, что существуютъ несчастныя созданія, которыя не имѣютъ хотя бы одной шали. Правда, что эти шали передавались по наслѣдству такъ

же, какъ имѣнія или капиталъ; онѣ переходили отъ одного поколѣнія къ другому; ни одна свадебная корзинка не обходилась безъ нихъ. Во многихъ французскихъ семьяхъ можно видѣть еще до сихъ поръ прекрасные экземпляры, сохранившіеся въ цѣлости до нашихъ дней. Длинныя пальто, по формѣ напоминавшія мужскіе сюртуки, и пальто «Ѣштгура», подбитыя мѣхомъ, съ капюшономъ, вытѣснили въ концѣ Имперіи граціозныя шали. Мѣха вообще вошли въ большую моду въ періодъ 1810—1814 гг., главнымъ образомъ горностай, и женщины, прежде такъ мало прикрывавшія свое тѣло, стали зябко кутаться въ разныя душегрѣйки, мѣховыя кофты и т. д.

Было бы трудно, почти невозможно перечислить всѣ моды временъ Имперіи. Ла-Брюеръ въ нѣсколькихъ словахъ резюмировалъ отлично непостоянство и прихотливость модъ этой эпохи,—онъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующее: «Едва одна мода замѣнила другую, какъ уже сама низложена послѣдующей, за которой слѣдомъ идетъ другая, а та въ свою очередь не будетъ послѣдней. Таковы наше легкомысліе и непостоянство.»

IV.

Костюмы, салоны и общество въ эпоху Реставраціи (1815—1825).

Мода во всѣ времена и у всѣхъ народовъ являлась прежде всего льстивымъ царедворцемъ, который спѣшитъ привѣтствовать новыхъ правителей. Поэтому съ возвращеніемъ Бурбоновъ вернулась и мода на бѣлыя ткани, и бѣлый цвѣтъ сталъ преобладающимъ въ костюмахъ. Лиліи, бѣлоснѣжные шарфы и кокарды, шляпы а-ла-Анри-Катръ, украшенныя султанами изъ бѣлыхъ перьевъ, ленты изъ суроваго шелка, бѣлыя креповыя шляпы, сборчатыя, отдѣланныя буфами, вѣнки изъ бѣлыхъ цвѣтовъ для бальныхъ прическъ— вотъ самые отличительные признаки женскихъ модъ этой эпохи, начавшейся съ половины 1814 года. Драгоцѣнностей почти не

носили за исключеніемъ одного кольца, быстро вошедшаго въ моду, благодаря его аллегорическому значенію; оно дѣлалось изъ витой золотой проволоки съ тремя лиліями изъ того же металла, вокругъ нихъ былъ написанъ эмалью слѣдующій девизъ: «Богъ намъ возвращаетъ ихъ».

Присутствіе въ Парижѣ союзныхъ войскъ подало поводъ капризной модѣ предложить своимъ прекраснымъ кліенткамъ англійскія, русскія и польскія одѣянія. Стали фабриковать ужасающихъ размѣровъ шляпы, а-л'англезъ, тяжелыя, массивныя, съ оборками и плойками, лишенныя всякой граціи и изящества, шляпы а-ля-рюсъ съ очень маленькими полями и высокой головкой, настоящіе кивера, украшенные бѣлыми пѣтушиными перьями, наподобіе тѣхъ головныхъ уборовъ, которые носили офицеры союзной арміи. Изрѣдка, впрочемъ, появлялись еще тюрбаны изъ бѣлой кашемировой ткани, украшенные бѣлой сиренью; носили также бѣлыя шляпы а-ла-экосезъ, бѣлые шарфы и бѣлыя очень короткія платья.

Эти моды продержались довольно долго и пользовались большимъ успѣхомъ; казалось, бѣлый флагъ, развѣвавшійся на Тюльерійскомъ дворцѣ, давалъ тонъ всей одеждѣ и окрашивалъ ее въ присущій ему цвѣтъ. Въ самомъ Парижѣ носили боль-

ше всего левантиновыя платья (шелковая ткань) розоваго цвѣта и бѣлыя тюники изъ мериносовой ткани (шерсть); ихъ дѣлали довольно широкими, безъ кушаковъ, съ расходящимися полами. Въ большомъ ходу были также платья à la Vierge съ бѣлыми шемизетками, закрывающими шею почти до подбородка, затѣмъ бѣлыя платья съ розовыми или голубыми полосками, или мелкими клѣтками; отдѣлывались онѣ множествомъ волановъ, непремѣнно бѣлыми, съ цвѣтными фестонами. Прекрасныя кашемирскія шали не утратили своего значенія въ дамскомъ гардеробѣ, и лишь только въ столицѣ распространялась вѣсть о прибытіи новаго транспорта изъ Индіи, прекрасныя модницы осаждали магазины двухъ модныхъ фирмъ Терно и Куртуа. Дамы мелкой буржуазіи, не обладавшія туго набитыми кошельками богатыхъ свѣтскихъ львицъ, довольствовались

1815 г.

красивыми, яркими, съ широкими каймами шалями изъ шелковыхъ оческовъ. Носили также длинные полосатые шелковые шарфы а-ла-сиркасіенъ, изящно драпирующіе стройныя худощавыя фигуры.

Извѣстный писатель Огюстенъ Шаламель говоритъ въ своей «Исторіи модъ» о томъ, какъ роскошь и страсть къ дорогимъ нарядамъ стали сильно развиваться среди роялистовъ; данныя, которыя онъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ, покажутся болѣе чѣмъ скромными для нашего времени и удивятъ нашихъ модницъ. Онъ пишетъ слѣдующее: «Пріемы и балы слѣдовали одинъ за другимъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Въ отеляхъ предмѣстья Сенъ-Жерменъ только и мечтали, что о вечерахъ, концертахъ и балахъ. Всѣ старались увѣрить другъ друга, что все это дѣлается ради поднятія торговли и промышленности. Въ одномъ Парижѣ насчитывалось до четырехъ знаменитыхъ дамскихъ портныхъ; тринадцать модистокъ старались удовлетворить капризамъ модницъ; семь извѣстныхъ цвѣточницъ еле поспѣвали исполнять заказы; три корсетницы были всегда завалены работой, а восемь сапожниковъ занимались исключительно изготовленіемъ дамской обуви.» Что сказалъ бы почтенный историкъ о роскоши Второй Имперіи, и какой безконечной длины

вышелъ бы реестръ именъ всѣхъ тѣхъ, кто въ наши дни занимается изготовленіемъ всякихъ принадлежностей дамскаго туалета! Далѣе, описывая господствующія моды, онъ говоритъ: «На оффиціальныхъ и частныхъ балахъ дамы появлялись въ бѣлыхъ платьяхъ съ отдѣлкой изъ цвѣтовъ по низу юбки. Танцующія дамы украшали и свои прически цвѣтами, большей частью, розами. Носили платья а-л'экосезъ, платья à l'indolente и платья, отдѣланныя мѣхомъ шеншила (сѣрый бархатистый мѣхъ). Рукава дѣлались очень пышными, отдѣлывались они у плеча многими рядами рюшекъ, другіе принимали воронкообразную форму, очень широкіе у плеча и узкіе плотно застегивающіеся у кисти руки. Лифы были по преимуществу вырѣзные; на шеѣ носили колье изъ жемчуговъ или гранатовъ, при короткихъ рукавахъ надѣвали длинныя перчатки лайковыя или

1815 г.

шведскія; онѣ стоили тогда большихъ денегъ, но настоящія модницы мѣняли ихъ каждый день, потому что перчатки должны были быть безукоризненной свѣжести и чистоты, ихъ самый модный цвѣтъ былъ шамуа (натуральный замшевый). Прическа состояла большею частью изъ локончиковъ, почти приклеенныхъ на лбу и вискахъ, а изъ остальныхъ волосъ на затылкѣ воздвигали цѣлый рядъ пуфовъ, или коковъ.»

Разсматривая модные журналы и модные отчеты той эпохи, можно придти къ заключенію, что прическа, а въ особенности шляпы составляли главный предметъ заботъ модницъ временъ Реставраціи. Съ 1815 до 1830 годовъ насчитывается болѣе десяти тысячъ различныхъ формъ шляпъ и чепчиковъ! Модные журналы перестали говорить о платьяхъ и почти исключительно посвящали свои страницы описаніямъ шляпъ и ихъ изображеніямъ; были шляпы изъ italіанской соломы, изъ плюша, кивера изъ бархата съ султанами, шелковыя шляпы съ массой цвѣтовъ, токи а-ла-полонезъ, шляпы-фуражки австрійскія, чалмы моабирскія, чепчики изъ кисеи и изъ бархата, отдѣланные тюлемъ, однимъ словомъ, можно было скорѣе потерять голову среди этой разнообразной массы шляпъ, нежели выбрать подходящую модную покрышку для нея. И что это были за шля-

пы, какихъ ужасающихъ размѣровъ онѣ достигали! Однѣ возвышались подобно средневѣковымъ башенкамъ съ выступающей кровлей, другія напоминали какія-то формы для гигантскихъ тортовъ, описанныхъ у Раблэ, третьи казались какъ бы копіями рыцарскихъ шлемовъ съ забралами; просто вѣрится съ трудомъ, что эти безвкусныя массивныя шляпы когда-то красовались на головахъ нашихъ прабабушекъ-модницъ.

Талія у платьевъ мало-по-малу стала удлиняться и приближаясь къ 1822 году она опять на своемъ нормальномъ мѣстѣ, а не обезображиваетъ грудь перехватомъ почти подъ мышками. Низъ платья отдѣлывался вышитыми воланами, число-ихъ доходило до пяти и больше. Корсетъ вступилъ опять въ свои права и хорошій корсетъ модной фирмы

Лакруа стоилъ не менѣе ста франковъ; этой фирмѣ очень часто приходилось отказываться отъ заказовъ за невозможностью удовлетворить всѣхъ желающихъ носить ея корсеты. Снизу къ корсету пришивалась бѣлая атласная подушечка для поддержки юбокъ, и эта подушечка явилась какъ бы предвѣстницей турнюра. Съ того же времени стали, вопреки увѣщаніямъ докторовъ, вшивать въ корсеты стальныя пластинки. Рукава все расширялись и назывались то рукавами а-ла-жиго, то а-ла-элефанъ. Искусственно увеличивая ширину плечъ, модницы достигали того, чего требовала тогда мода, а именно почти осиной таліи. Зимой носили громадныя муфты лисьи и изъ мѣха шеншила. Мѣховыя боа или боа изъ страусовыхъ перьевъ были обязательной принадлежностью выходного костюма каждой модницы, потому что красиво оттѣняли ея лицо.

Литература, а главнымъ образомъ герои и героини модныхъ романовъ окрестили своими именами множество тканей, цвѣтовъ, бездѣлушекъ. Благодаря сантиментальному роману графа д'Арленкура появились «тюрбаны Ipsiboe», явились также «косынки а-ля-Дамъ-бляншъ», «ленты Трокадеро», «шляпы а-ля-Марія Стюартъ», «прически а-ля-Севинье», «воротнички а-ля-Атала». Многіе модные цвѣта тканей носили необычайныя названія,

напримѣръ,—«вода Нила», «одинокій камышъ», «Наваринскій дымъ», «змѣиная кожа», «лава Везувія», не говоря уже о такихъ необыкновенныхъ оттѣнкахъ, какъ «ис-

1815 г.

пуганная мышь», «влюбленная жаба», или еще болѣе невозможныя, въ родѣ: «паукъ, замышляющій преступленіе». Въ 1827 году египетскій султанъ прислалъ въ даръ Карлу X

огромнаго жирафа, звѣря, раньше невиданнаго въ Парижѣ, и тотчасъ же появились шляпы а-ля жирафъ, кушаки, лифы, мужскіе шляпы и галстуки, — все стало носить имя диковиннаго звѣря.

Прически измѣнялись нѣсколько разъ во время Реставраціи, хотя большей частью носили волосы, перевивъ ихъ бусами, цвѣтами и другими украшеніями, искусно расположенными на макушкѣ головы, и, казалось, недоставало только сахарнаго амура, граціозно колеблющагося на проволокѣ, чтобы эти прически были вполнѣ похожи на выставочныя произведенія какого-нибудь артиста-кондитера; амуръ, впрочемъ, замѣнялся въ этихъ прическахъ пучкомъ перьевъ.

Франція привѣтствовала возвращеніе Бурбоновъ, усматривая въ нихъ вѣрную гарантію спокойствія и возобновленія торговли и промышленности. Новое правительство какъ нельзя лучше понимало нужды даннаго времени, и фабриканты, негоціанты, ораторы, писатели стали замѣнять генераловъ и играть видную роль при новомъ дворѣ. Наполеонъ I хотѣлъ превратить французскій народъ въ великую могущественную націю; роялисты, менѣе честолюбивые, старались создать страну легитимически-монархическую и промышленную. Общество видѣло въ королѣ умнаго опекуна и встрѣтило его безъ

идолопоклонства, но разумно и трезво. На Наполеона же вся нація взирала какъ на кумира; это былъ ея любимый герой; ему она отдала свою кровь, свое золото и свой восторженный энтузіазмъ; когда же всѣ на-

1816 г.

дежды, возложенныя на него, потерпѣли полное фіаско, она приняла Людовика XVIII-го, какъ разумнаго покровителя, дающаго ей возможность устроить жизнь спокойную, мирную, не подверженную вѣчнымъ

колебаніямъ и переворотамъ. Военные наборы и войны перестали отнимать время и людей у французскаго народа, явилась возможность серіознаго сосредоточенія, серіозныхъ занятій и полезнаго отдыха. Искусство и литература стали вновь процвѣтать, вновь понадобились всесторонне образованные, развитые люди, изгнанные революціей; вѣжливость и благовоспитанность вернулись опять.

Распущенные нравы временъ Директоріи, нѣсколько дисциплинированные Наполеономъ I во время Имперіи, стали строгими, даже суровыми. Каждый старался быть корректнымъ, держаться съ достоинствомъ, быть послѣдователемъ хорошаго тона,—однимъ словомъ, быть comme il faut. Мишурная роскошь и блескъ считались верхомъ дурного тона, великолѣпная пышность Имперіи замѣнилась изысканной простотой. Женщины, какъ всегда, явились главными побудительницами этого хорошаго переворота, и можно сказать, что женскіе салоны эпохи Реставраціи первые примкнули къ нему. Женщинамъ стали нравиться только почтительные нѣжные поклонники. Вліяніе и превосходство, захваченныя на нѣкоторое время въ этихъ салонахъ военнымъ мундиромъ, перешли къ людямъ таланта и ума; ихъ сдержанность, изысканная вѣжливость и умѣнье

разговаривать вызывали уваженіе и восхищеніе женщинъ.

Появился Ламартинъ, этотъ поэтъ женщинъ и для женщинъ, и благодаря ему писа-

1817 г.

тельницы, поэтессы и женщины, интересующіяся политикой, заняли первенствующія мѣста въ общественной и свѣтской жизни Франціи. Общество, тронутое и взволнованное нѣжно поэтическимъ образомъ Эльвиры въ

«Méditations» Ламартина, стало менѣе прозаичнымъ, болѣе способнымъ воспринимать высшіе идеалы, нежели общество временъ Имперіи. Свѣтскія дамы, желая придать себѣ больше значенія, усиленно занялись политикой и принялись усердно посѣщать засѣданія Палаты депутатовъ. У каждой изъ нихъ былъ излюбленный ораторъ, точно такъ же, какъ у каждаго оратора была своя Эгерія — вдохновительница среди прекрасныхъ обитательницъ предмѣстья Сенъ-Жерменъ. Извѣстный ораторъ Мартиніакъ имѣлъ столько же ярыхъ и страстныхъ поклонницъ, сколько ихъ теперь у какого-нибудь знаменитаго тенора, въ родѣ Мазини: этимъ онъ былъ обязанъ своему краснорѣчію и звучному прекрасному голосу.

Рыцарскій духъ и изысканная вѣжливость господствовали въ этомъ новомъ обществѣ, литературные вопросы и вопросы искусства являлись главными темами всѣхъ разговоровъ и споровъ прелестныхъ посѣтительницъ салоновъ и ихъ нѣжныхъ поклонниковъ. Салонъ г-жи Дюра (Duras) имѣлъ огромное вліяніе на развитіе таланта многихъ поэтовъ и романистовъ; сама хозяйка, авторша нѣсколькихъ романовъ, была первой покровительницей Шатобріана. Больше всего посѣщался салонъ г-жи Риперъ, жены редактора газеты «Quotidienne». Тамъ соби-

рались самые крайніе роялисты, журналисты и писатели. Салонъ г-жи д'Ансело, довольно талантливой писательницы, былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ художниковъ и писателей; здѣсь можно было встрѣтить

1818 г.

Альфреда де-Виньи, Виктора Гюго, прозваннаго тамъ «дивнымъ ребенкомъ», Эмиля Дешана, Миремона, г-жу Софію Гей съ ея прелестной дочерью Дельфиной, будущей романисткой. Художники Жераръ, Ге-

ренъ, Гро и Жироде посѣщали очень часто этотъ салонъ. Лапласъ и Кювье являлись достойными представителями науки на этихъ литературныхъ собраніяхъ.

Талантливая портретистка Виже-Лебренъ, вернувшись въ Парижъ въ царствованіе Карла X послѣ многихъ лѣтъ странствованія, открыла также салонъ, гдѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ (64 года), съ большимъ умѣніемъ и оживленіемъ принимала своихъ разнообразныхъ посѣтителей. Это были большей частью представители прежняго блестящаго Версальскаго двора и знатные иностранцы. Страстная музыкантша, она приглашала всѣхъ выдающихся виртуозовъ услаждать игрой и пѣніемъ слухъ ея гостей. У нея собирались по субботамъ зимой въ ея прекрасной квартирѣ въ улицѣ Сенъ-Лазаръ, а лѣтомъ—въ ея загородномъ домѣ. Въ этомъ салонѣ все дышало изысканностью, корректностью и элегантностью.

По средамъ собирались у художника барона Жерара; собранія эти были очень многолюдныя, оживленныя и веселыя. Тѣснота помѣщенія нисколько не стѣсняла гостей; ровно въ полночь его четыре комнатки наполнялись толпой посѣтителей; подавали чай, разносили пирожки и печенье; Жераръ, остроумный и блестящій говорунъ, занималъ своихъ гостей, а жена его усаживалась за безконеч-

ную партію виста. Знаменитые артисты Тальма и г-жа Марсъ, писатели Мериме, Стендаль (Анри Бейль), д'Ансело и Дельфина Гэй, художникъ Делакруа и ученый Гумбольдтъ были завсегдатаями этихъ средъ.

1819 г.

Парижское общество въ эпоху Реставраціи раздѣлялось на нѣсколько классовъ, рѣзко разграниченныхъ между собою и обитавшихъ въ различныхъ кварталахъ города. Родовая старинная аристократія жила въ своихъ отеляхъ предмѣстій Сенъ-Жерменъ и

Марэ; обитателями Шоссе Д'Антенъ были денежные аристократы и богатые буржуа; художники, литераторы, музыканты селились въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Латинскаго квартала». Въ аристократическихъ отеляхъ собирались въ пріемные дни пэры Франціи, депутаты правой, епископы, придворные духовники, старыя вдовствующія маркизы и княгини. Всѣ эти почтенные посѣтители, сидя у пылающаго камина, говорили о прошломъ, сравнивая его съ настоящимъ, или играли въ триктракъ, бостонъ и пикетъ. Молодежь, юные придворные и гвардейцы, княжны и баронессы играли въ экартэ. Вся обстановка этихъ гостиныхъ была старинная, очень строгая и выдержанная въ тонахъ обивокъ и ковровъ; картины извѣстныхъ мастеровъ висѣли на стѣнахъ, покрытыхъ гобеленами; почти повсюду стояли или висѣли канделябры съ восковыми свѣчами, замѣняя лампы, которыя считались здѣсь въ этихъ салонахъ вульгарнымъ новшествомъ. Самая изысканная вѣжливость царила здѣсь; сѣдые ливрейные лакеи вводили почтительно посѣтителей и безмолвно двигались, разнося чай и печенье.

Совершенно иное можно было встрѣтить въ обширныхъ залахъ отелей денежной аристократіи; модная мебель Жа-

кобъ, блестящая бронза и масса бездѣлушекъ, пріобрѣтенныхъ въ лавкахъ рѣдкостей, поражали своей новизной и какъ бы говорили о недавнемъ богатствѣ. Тамъ играли на бильярдѣ и въ экартэ; женщины говорили о модахъ, театрахъ и злословили о своихъ ближнихъ; мужья толковали о финансахъ, ажіотажѣ и политикѣ; посѣтителямъ подавали въ изобиліи мороженое, торты и прохладительное питье. Всѣ старались другъ передъ другомъ блеснуть элегантностью манеръ, изысканностью рѣчи, утрированной вѣжливостью, но достигали только натянутости и манерничанья. Нѣсколько художниковъ, нечаянно попавшихъ на собранія этихъ плутократовъ, чувствовали себя тамъ не у мѣста, какими-то чуждыми пришельцами; прихлебатели и мелкіе биржевые игроки ухаживали и низкопоклонничали передъ дамами. Въ этихъ гостиныхъ, по мѣткому выраженію одного современнаго

1820 г.

остряка, умѣли болтать, но не разговаривать.

Буржуа веселились просто, безъ затѣй, собирались вокругъ большого стола, подавали чай и меренги съ битыми сливками, играли въ шнифъ, спящаго кота, въ скрывающагося туза и въ разныя petits jeux, при чемъ изощрялись въ остроумныхъ словечкахъ и прибауткахъ, вызывая добродушный смѣхъ нетребовательной публики.

Съ 1815 г. бульваръ de Gand сталъ моднымъ мѣстомъ для прогулокъ и сборнымъ пунктомъ богатыхъ и дѣловыхъ людей. Трудно себѣ представить, какая толкотня и суматоха царила тамъ въ извѣстные часы дня; часто люди, назначавшіе себѣ тамъ свиданіе, не могли отыскать другъ друга въ этой невообразимой толпѣ. Туда отправлялась модница, желавшая блеснуть новымъ туалетомъ, показать свою только-что пріобрѣтенную шляпу изъ гро-де-напля, украшенную огромнымъ пучкомъ перьевъ марабу, или обновить шотландскій плащъ и модную обувь. Галантный сердцеѣдъ и побѣдитель дамскихъ салоновъ приходилъ туда разсказать пріятелямъ объ одержанныхъ побѣдахъ и составить планы для новыхъ. Богатый банкиръ надѣялся встрѣтить тамъ нужныхъ ему людей и, такимъ образомъ, соединить полезное съ пріятнымъ. Ко-

кетливыя буржуазки прибѣгали сюда украдкой поглядѣть на новѣйшія моды и набраться рѣшимости повести за семейнымъ обѣдомъ атаку на кошелекъ своего добродушнаго мужа, дабы потомъ сдѣлаться обладательницей хотя бы одной изъ тѣхъ прелестныхъ модныхъ вещицъ, которыми она сегодня такъ любовалась.

1821 г.

Послѣ прогулки было принято заходить или заѣзжать въ кофейную и кондитерскую Тортони. Дамы и дѣвушки самаго лучшаго общества охотно посѣщали эту кофейную, обыкновенно просиживали тамъ около часу за какимъ-нибудь прохладительнымъ напиткомъ или пуншемъ, закусывая пирожками или тартинками, мастерски приготовленными хозяиномъ кондитерской, въ своемъ родѣ великимъ артистомъ. Завсегдатаи Тортони дѣлились на два совершенно различныхъ класса: биржевики и фешенебли. Первые являлись

около десяти часовъ, слегка закусывали, а затѣмъ всѣ комнаты кондитерской оглашались возгласами въ родѣ слѣдующихъ: «Предлагаю испанскія акціи по десяти съ половиной! Кто желаетъ 5%! Я покупаю ихъ по текущему курсу 65, 40. Почемъ предлагаютъ дукаты? Мы предлагаемъ по 75, 50.» Въ такомъ духѣ продолжалась игра отъ одиннадцати до часу, кричали и спорили, какъ въ залахъ биржи; предложенія и требованія перекрещивались и заключались огромныя сдѣлки на словахъ. Въ верхнемъ этажѣ кондитерской собирался кружокъ, такъ называемыхъ, Gants jaunes (желтыхъ перчатокъ); они носили англійскіе фраки, высокіе сапоги со шпорами, гамаши и хлыстики, говорили только о собакахъ, лошадяхъ, экипажахъ, сбруѣ, охотѣ и скачкахъ; это былъ салонъ «Центавровъ». Послѣ полудня «Центавры» и биржевики сходились на обширномъ подъѣздѣ кондитерской, выходившей на бульваръ, чтобы поглядѣть на останавливающіеся у подъѣзда фешенебельные экипажи, при чемъ считалось признакомъ хорошаго тона знать имя каждой великосвѣтской дамы, входящей къ Тортони.

Лѣтомъ 1816 г. было въ модѣ отправляться послѣ посѣщенія кондитерской на набережную Вольтера (Quai Voltaire) осматривать первый пароходъ, предназначавшійся совер-

шать рейсы въ Руанъ. Модные франты и дамы подъѣзжали къ набережной въ кабріолетахъ и тюльбери и заставляли подвозить себя въ лодкахъ къ диковинной машинѣ; тамъ они, принявъ разсѣянный и скучаю-

1822 г.

щій видъ, задавали массу вопросовъ объ устройствѣ механизма, лорнировали вновь подъѣзжающихъ дамъ и съ тѣмъ же скучающимъ видомъ,—того требовалъ хорошій тонъ,—возвращались къ своимъ экипажамъ и отправлялись на бульваръ Дю-Руль въ

садъ, гдѣ были устроены первыя русскія горы.

Эти горы были тогда настоящей злобой дня; всѣ о нихъ говорили, всѣ спѣшили наперерывъ испробовать это незнакомое еще удовольствіе; вскорѣ онѣ появились во всѣхъ кварталахъ Парижа, и толпы посѣтителей оправдали ожиданія и затраты ловкихъ антрепренеровъ подобнаго рода увеселеній. Страсть къ этимъ горамъ охватила всѣ слои общества. Гризетки и рабочіе въ будни мечтали о нихъ, а въ воскресенье спѣшили насладиться ими. Ихъ воспѣвали въ куплетахъ, изображали въ водевиляхъ, ихъ именемъ окрестили новый сортъ конфектъ, благодаря которымъ два кондитера составили себѣ огромное состояніе. Великосвѣтское общество посѣщало преимущественно русскія горы, устроенныя въ саду Божонъ; скатывались обыкновенно парами, и собравшаяся публика лорнировала и любовалась стройными молодыми женщинами, храбро спускающимися стоя въ телѣжкѣ; зато градъ насмѣшекъ и остротъ встрѣчалъ обладательницу солидныхъ размѣровъ и почтенныхъ лѣтъ, съ трудомъ помѣщающуюся въ маленькой, легкой телѣжкѣ, но тѣмъ не менѣе не устоявшую противъ соблазна испытать это удовольствіе. Подлѣ сада Божонъ находился ресторанъ, славившійся

своей кухней. Богатый банкиръ, расточительный маркизъ, знатный пэръ, легкомысленная кокетка проводили тамъ цѣлые часы до поздней ночи въ роскошно убранныхъ отдѣльныхъ кабинетахъ за изысканными обѣдами и ужинами, тратя на нихъ баснословныя суммы денегъ.

Не было недостатка въ увеселеніяхъ и въ эпоху Реставраціи. Въ Елисейскихъ поляхъ былъ Jeu de Paume (игра въ мячъ), тамъ же играли въ шары и кегли. Сильно занимались всевозможнымъ спортомъ, напримѣръ, верховой ѣздой, гонкой на лодкахъ, плаваніемъ, бѣгами и т. д., подготовляя этимъ здоровое и сильное поколѣніе тридцатыхъ годовъ. Эмигранты, проводя много лѣтъ въ Англіи, усвоили многіе обычаи этой страны; вернувшись въ Парижъ вмѣстѣ съ Бурбонами, они ввели въ моду англійскую верховую ѣзду, которая сильно отличалась отъ французской манеры. Любовь къ верховой ѣздѣ до такой степени распространилась среди общества, что былъ сформированъ цѣлый конный полкъ національной гвардіи исключительно изъ ѣздоковъ, принадлежащихъ къ высшему обществу.

Всѣ эти физическія занятія, которымъ стала предаваться молодежь, благодаря модѣ на нихъ, оказали большое вліяніе на общественную нравственность. Большинство публич-

ныхъ баловъ, способствующихъ свободѣ нравовъ, закрылись или перестали посѣщаться хорошимъ обществомъ. Театральная цензура стала строже относиться къ содержанію пьесъ, безжалостно вычеркивая все, что могло оскорблять скромность слушателей; было запрещено уличнымъ паяцамъ и фиглярамъ распѣвать слишкомъ вольные куплеты и пѣсни, а также разыгрывать безнравственныя пантомимы, которыми они во время Директоріи и Имперіи такъ усердно угощали народъ. Но, несмотря на нѣкоторую строгость, оставалось еще много разнообразныхъ увеселеній; праздники, домашніе и придворные балы и пріемы постоянно чередовались между собой; театры, концерты, музыкальные вечера посѣщались очень охотно всѣми. Мода, эта капризная неумолимая мода, требовала, чтобы повсюду, среди всѣхъ этихъ увеселеній и развлеченій женщины принимали скучающій, разочарованный видъ, говорили только о суетности всей свѣтской жизни, о напрасной тратѣ времени на пустыя удовольствія. Слушая ихъ жалобы и сантиментальныя тирады о счастіи независимой жизни, о прелести домашняго уединенія и покоя, можно было подумать, что видишь передъ собой несчастную жертву соціальныхъ условій. Всѣ онѣ, повидимому, только и мечтали, что о про-

стой сельской жизни, о счастливой жизни вдвоемъ среди какой-нибудь пустыни, жизни полной любви и нѣжности. Но онѣ, несчастныя, должны были приносить себя въ жертву требованіямъ свѣта ради общественнаго положенія мужей, ради счастія дочерей, которыхъ надо же было вывозить на балы. Эта жизнь,—говорили онѣ,—сотканная изъ банальностей, условной лжи и свѣтскаго притворства, заставляющая ихъ растрачивать по мелочамъ всѣ силы ума и сердца, была имъ противна и только мѣшала ихъ стремленіямъ ко всему возвышенному и прекрасному. Сколько стоила она имъ тайныхъ слезъ и горькихъ вздоховъ! А на самомъ дѣлѣ онѣ разорялись на шали и тряпки, интриговали, чтобы попадать на всѣ праздники, добивались представленія ко двору, просили и хлопотали о билетахъ на всѣ спектакли и концерты. Женщины временъ Реставраціи, подобно женщинамъ

1823 г.

всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ эпохъ, страстно жаждали всего неизвѣданнаго, необычайнаго; онѣ искали повсюду сильныхъ ощущеній и знали прекрасно, что могутъ добиться любви и поклоненія своимъ кокетствомъ, и вотъ это недовольство настоящей жизнью, эта скука и разочарованіе являлись новымъ родомъ моднаго кокетства.

V.

Женщина 30-хъ годовъ.— Эпоха романтизма.

Съ 1830 года создается новый женскій типъ,— это типъ женщины тридцати лѣтъ, введенный въ моду Бальзакомъ. Талантливый романистъ описалъ ее въ своихъ произведеніяхъ во всемъ блескѣ и привлекательности ея красоты, достигшей полнаго расцвѣта. Всѣ женщины этой эпохи старались быть похожими на нее. Холодныя по природѣ, а, можетъ быть, только по виду, влюбленныя исключительно въ себя, онѣ искали только поклоненія, лести, восхищенія. Что-

бы сохранить за собой положеніе и званіе модной женщины того времени, надо было обладать не только красотой и счастіемъ, но, главнымъ образомъ, ловкостью, умѣніемъ и расчетомъ, приходилось подчиняться и даже отказываться совсѣмъ отъ влеченія своего сердца, отъ всякихъ личныхъ желаній и капризовъ, чтобы сохранить за собой этотъ столь оспариваемый и желаемый титулъ.

Быть можетъ, современнымъ читательницамъ покажется небезъинтересно описаніе одного дня изъ жизни такой модной кокетки— современницы Бальзаковской героини. Утро начиналось довольно поздно для такой красавицы. Стрѣлки изящныхъ часовъ въ ея спальнѣ близко подходятъ къ одиннадцати, а она еще покоится среди кружевныхъ подушекъ, подъ легкимъ кисейнымъ пологомъ; маленькій серебряный амуръ, украшенный драгоцѣнными камнями, еще держитъ въ рукахъ зажженный факелъ, мягкій свѣтъ котораго отражается въ зеркалахъ и освѣщаетъ живописный безпорядокъ этого красиваго гнѣздышка. Тамъ брошены яркія ленты, сверкаютъ драгоцѣнности, висятъ пестрыя шали, тутъ нѣсколько кусковъ воздушнаго тюля и газа самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ ожидаютъ благосклоннаго выбора прекрасной лѣнивицы. Дальше книги, перья, полуоконченная рукопись, раскрытый альбомъ съ начатымъ ри-

Въ 30-хъ годахъ.

сункомъ, недоконченная вышивка съ воткнутой еще иглой, рѣзная красивая мебель; нѣсколько изящныхъ картинъ украшаютъ стѣны; нѣжный ароматъ цвѣтовъ разносится по всей комнатѣ, гдѣ все какъ бы замерло и ждетъ пробужденія прекрасной хозяйки. Наконецъ, она просыпается, зоветъ своихъ горничныхъ и приступаетъ къ своему утреннему туалету: накинувъ батистовый капотъ, скромно, но изящно отдѣланный кружевомъ валансьенъ, она повязываетъ поверхъ него передникъ изъ шелковой матеріи гроденапль пепельнаго цвѣта съ вышитой каймой; волосы ея покрыты кружевной косынкой, на ногахъ у нея вышитыя мелкимъ швомъ (petit point) туфельки, отдѣланныя плойкой изъ ленты, напоминающія туфли, когда-то введенныя въ моду г-жей Помпадуръ; полуперчатки цвѣта соломы довершаютъ ея туалетъ. Она выходитъ въ столовую, гдѣ ее ожидаетъ легкій завтракъ, къ которому она почти не прикасается; съ глубокимъ вздохомъ, какъ бы подчиняясь жестокой необходимости, она выпивала каплю вина,—и завтракъ ея оканчивался. Неумолимые часы показывали ей, что время ея выѣзда приближается; она надѣвала платье изъ легкой ткани-шали (шерсть съ шелкомъ), затканной букетами или гирляндами; шарфъ изъ легкаго гладкаго газа покрывалъ ея плечи, широкая лента вмѣсто

пояса охватывала ея тонкую талію; подобнаго же цвѣта ленты были повязаны въ видѣ браслетовъ на рукахъ; большая шляпа изъ рисовой соломы съ пучкомъ перьевъ кокетливо надѣта на голову. Она садится въ

элегантный экипажъ и, справившись предварительно по своей записной книжкѣ изъ слоновой кости о пріемныхъ дняхъ своихъ пріятельницъ, ѣдетъ отдать имъ визитъ.

Тамъ среди подобныхъ же модницъ и молодыхъ денди она говоритъ обо всемъ: о новой

только-что появившейся модѣ, о музыкѣ и танцахъ, о театрѣ и живописи; она слушаетъ чтеніе новаго памфлета или новой поэмы, полной туманныхъ и неопредѣленныхъ образовъ, оспариваетъ новыя доктрины, слегка осуждаетъ нѣкоторыя явленія своего вѣка. Говорить она все это безъ увлеченія, корректно, съ заученными жестами, неестественно и жеманно, не забывая при этомъ показать свою маленькую ножку, гибкость и стройность фигуры, красивую руку, обтянутую безукоризненной перчаткой, и элегантную простоту своего платья. Покончивъ съ визитами, модница успѣвала еще побывать на художественной выставкѣ; она была увѣрена, что встрѣтитъ тамъ нѣсколько молодыхъ денди — цвѣтъ парижскихъ салоновъ, которые, увиваясь за нею, подѣлятся съ ней своими наблюденіями и мнѣніями о выставленныхъ картинахъ.

1829 г.

Орасъ Верне, Деларошъ, Энгръ, Кутюръ, Делакруа, Ари Шефферъ, Дюбюфъ—вотъ имена, которыя не разъ раздавались въ ея ушахъ и которыя она теперь видитъ въ каталогѣ выставки. Прелестная «Маргарита» Ари Шеффера приковываетъ ея вниманіе какимъ-то особеннымъ мистическимъ колоритомъ, который художникъ какъ бы заимствовалъ у Гете. Поль Делакруа производитъ на нее впечатлѣніе своей драматической картиной «Жанна Грей», болѣе драматической, нежели пятый актъ модной трагедіи. Она восторгалась палачомъ, и ее трогало грустное и прелестное выраженіе бѣдной Жанны.

1831 г.

Но пора: ее ждетъ дома своего рода палачъ — парикмахеръ; она отдаетъ ему въ руки свою голову, и тотъ, развле-

кая ее анекдотами и сообщая ей разныя новости дня, воздвигаетъ изъ ея волосъ цѣлое архитектурное сооруженіе, которое увѣнчиваетъ цвѣтами, перьями и драгоцѣнными шпильками. Отпустивъ его, она спѣшитъ надѣть платье изъ цвѣтного органди (прозрачная кисея) съ короткими рукавами и вырѣзнымъ лифомъ; она хочетъ блистать изысканной простотой, а не драгоцѣнностями, поэтому надѣваетъ лишь скромныя брилліантовыя украшенія въ видѣ серегъ и колье. Ей докладываютъ, что обѣдъ готовъ, и она садится за столъ.

Обѣдъ женщины эпохи романтизма не отнимаетъ отъ нея много времени: эта прозаическая сторона жизни кажется ей только непріятной необходимостью и тяжелой обузой. Въ эту эпоху байронизма гастрономическіе вопросы не занимаютъ ее, она ими совсѣмъ пренебрегаетъ,—вѣдь хорошій тонъ требуетъ, чтобы она умирала съ голоду и питалась только росой небесной. Притомъ же ей нужны совсѣмъ иныя удовольствія. Для того, чтобы затронуть ея чувства и подѣйствовать на ея нервы, а въ этомъ она видитъ всю прелесть и смыслъ жизни, ей необходимы сильныя захватывающія впечатлѣнія. Ей нравится политика съ ея треволеніями, современная поэзія, полная самыхъ причудливыхъ, туманныхъ грезъ и образовъ,

романы со страстными сценами и кровавыя драмы.

Послѣ обѣда она до бала отправляется въ театръ, поглощающій ее всецѣло; она живетъ тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ жизнью героевъ и героинь, испытываетъ всѣ ихъ страсти, мученія и терзанія. Всѣ эти измышленныя преступленія, страсти, признанія и ласки, эти страданія и странности наполняютъ ея сердце блаженствомъ и страхомъ и возбуждаютъ ея нервы. Послѣ бала, когда заря новаго дня уже румянитъ востокъ, возвращается она домой для того, чтобы завтра вновь начать ту же неестественную жизнь и служить тому же эфемерному идолу — модѣ.

1831 г.

Во время Іюльской монархіи не было такихъ собраній въ Парижѣ, на которыхъ бы не присутствовали женщины: въ клубахъ,

въ Палатѣ депутатовъ, на засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, на балахъ, на проповѣдяхъ Сенъ-Симонистовъ, на скачкахъ и въ Булонскомъ лѣсу,—повсюду можно было ихъ встрѣтить; даже биржа, и та посѣщалась ими и внушала имъ страсть къ спекуляціямъ, хотя, казалось, такая страсть мало гармонировала съ ихъ мечтательнымъ и романтическимъ характеромъ. Очень серіозная газета «Constitutionnel» заявляетъ въ 1831 году объ этой страсти слѣдующее: «Биржевая манія овладѣла дамами и усиливается съ каждымъ мѣсяцемъ; онѣ теперь не только понимаютъ, но такъ же умѣло употребляютъ техническія выраженія биржи, какъ самый заправскій биржевой маклеръ. Онѣ обсуждаютъ повышенія и пониженія не хуже любого биржевого зайца. Ежедневно съ часу до трехъ хоры биржевой залы наполнялись элегантными дамами, которыя знаками переговаривались съ маклерами внизу; даже появились женщины-коммиссіонерши и женщины-зайцы, предлагающія разныя сдѣлки.»

Дамы, посѣщающія биржу, придумали и соотвѣтствующій костюмъ для этого: онъ состоялъ изъ длиннаго темнаго плаща и небольшой бархатной шляпы съ черной кружевной вуалью. По воскресеньямъ въ залѣ Тетбу (Taitbout) на проповѣдяхъ Сенъ-Симонистовъ женщины занимали всѣ нижнія

ложи. Посѣщались эти собранія частью для того, чтобы познакомиться съ новыми доктринами, частью же для того, чтобы ихъ оспаривать, а главнымъ образомъ, чтобы на-

1831 г.

слаждаться краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ апостоловъ этой новой религіи. Эти собранія, несмотря на ихъ серіозный характеръ, не мѣшали прекраснымъ слушательницамъ

показывать свои блестящіе туалеты, большей частью бархатные, отдѣланные дорогими мѣхами.

На засѣданіяхъ Палаты депутатовъ въ трибунахъ, отведенныхъ для дамъ, можно было встрѣтить самыхъ записныхъ модницъ и красавицъ той эпохи. По окончаніи засѣданія, прежде чѣмъ сѣсть въ экипажъ, дамы останавливались въ длинномъ коридорѣ зданія Палаты: устраивалось такимъ образомъ что-то въ родѣ дамскаго раута, гдѣ говорили о тѣхъ дебатахъ, которые только-что слышали, критиковали туалеты своихъ соперницъ, принимали къ свѣдѣнію появленіе новыхъ модъ и болтали о тряпкахъ.

Мода ѣздить верхомъ быстро распространилась среди женщинъ, и онѣ стали одно время достойными соперницами англичанокъ. Повсюду на прогулкахъ встрѣчались цѣлыя кавалькады амазонокъ; хорошій тонъ требовалъ, чтобы даму сопровождали два-три кавалера, а позади на разстояніи ста метровъ ѣхалъ бы грумъ. Костюмъ для верховой ѣзды мало подвергался измѣненіямъ: онъ состоялъ большей частью изъ длинной суконной юбки и легкаго лифа изъ канзу; вокругъ шеи повязывался галстукъ бантомъ, почти всегда соотвѣтствовавшій цвѣту юбки; панталоны со штрипками, сапоги, перчатки изъ лосиной кожи и элегантный хлыстикъ дополняли

этотъ костюмъ. Чаще всего измѣнялся головной уборъ: носили попеременно шелковыя шляпы съ перьями, фуражки и поярковыя шляпы на манеръ мужскихъ.

Лѣтомъ Тюльерійскій садъ и Елисейскія Поля привлекали всю парижскую элегантную публику. Съ восьми до девяти часовъ вечера было принято гулять въ Тюльерійскомъ саду; главная его аллея, самая модная, напоминала въ этотъ часъ скорѣе какую-нибудь обширную пріемную, нежели мѣсто, предназначенное для прогулокъ. Дамы являлись туда въ

1832 г.

сопровожденіи своихъ ухаживателей и поклонниковъ; пройдя раза два по аллеѣ, онѣ усаживались полукругомъ, къ нимъ подходили знакомые денди, наслаждавшіеся здѣсь свѣжимъ воздухомъ послѣ обильнаго обѣда; начинался оживленный разговоръ о по-

литикѣ, прошлыхъ и будущихъ революціяхъ, о новой пьесѣ и новой книгѣ, о новомъ фасонѣ шляпъ и о новомъ покроѣ платьевъ, о переворотахъ въ Бразиліи, о судьбѣ Польши, которая въ то время занимала умы всѣхъ. Въ Елисейскихъ Поляхъ была отгорожена довольно обширная площадь; тамъ подъ открытымъ небомъ оркестръ подъ управленіемъ Мюзара давалъ ежедневные концерты, сильно посѣщавшіеся публикой. Буржуа, богатые негоціанты съ ихъ семьями, пикантныя гризетки, студенты и маменькины сынки, ищущіе богатыхъ приданыхъ, проводили лѣтніе вечера въ, такъ называемомъ, Турецкомъ саду, гдѣ также бывали концерты. Тамъ подъ тѣнью деревьевъ были разставлены столы, вокругъ которыхъ рѣзвились дѣти въ то время, какъ ихъ родители скромно пили пиво, а молодежь занималась ухаживаніемъ. Бульваръ de Gand продолжалъ быть моднымъ мѣстомъ прогулокъ; можно даже сказать, что мода на него достигла въ началѣ 30-хъ годовъ своего апогея; каждый день среди тройного ряда лорнирующихъ фешенебельныхъ пѣшеходовъ двигались ряды колясокъ, въ которыхъ въ небрежныхъ изысканныхъ позахъ сидѣли красивыя женщины; проносились кавалькады, обдавая облакомъ пыли толпившихся кругомъ любопытныхъ. Только-что народившаяся «Богема», представители

свободнаго, независимаго искусства и литературы, являлась сюда показывать свои оригинальные костюмы, подчинявшіеся требованіямъ моды, а не только личному вкусу носителей.

1835 г.

Зимой Парижъ веселился не менѣе, чѣмъ лѣтомъ. Салоны всѣхъ классовъ общества открывали свои двери. Придворные балы поражали роскошью и элегантностью. Они заканчивались обыкновенно ужиномъ;

сначала садились однѣ дамы; видъ этихъ красиво убранныхъ столовъ, этихъ воздушныхъ туалетовъ, выставлявшихъ во всемъ блескѣ свѣжесть и молодость ихъ обладательницъ, представлялъ очень живописное

1837 г.

зрѣлище. Приглашенные мужчины обыкновенно занимали мѣста въ ложахъ, такъ какъ эти ужины устраивались въ театральномъ залѣ дворца, и оттуда любовались этимъ зрѣлищемъ, и многіе изъ нихъ, глядя на краси-

вые руки, граціозно подносившія къ изящнымъ губкамъ какой-нибудь пирожокъ или хрустальную рюмку съ искрящимся виномъ, находили, что Байронъ не правъ, когда онъ чуть ли не предаетъ анаѳемѣ женщинъ, пре-

1837 г.

дающихся такому прозаическому занятію, какъ ѣда, находя въ этомъ что-то неэстетичное, некрасивое. Затѣмъ ужинали мужчины, и всѣ расходились, когда утренняя заря уже начинала освѣщать площадь Согласія. Весе-

лящійся Парижъ превращалъ ночь въ день: повсюду раздавались звуки оркестровъ; экипажи безпрестанно сновали по залитымъ огнями улицамъ; въ различныхъ кварталахъ города въ одинъ и тотъ же вечеръ давалось нѣсколько частныхъ баловъ. Во время карнавала самое избранное общество посѣщало маскарадные балы Большой Оперы. Прекрасная зала, освѣщаемая восковыми свѣчами шестидесяти хрустальныхъ люстръ, съ ея роскошно декорированными ложами и галлереями, представляла глазамъ посѣтителей какое-то феерическое зрѣлище. На сценѣ можно было видѣть испанскихъ танцоровъ, исполняющихъ съ большимъ увлеченіемъ ихъ національное болеро, или любоваться граціозными танцами «Золушки», исполнявшимися балетчицами. Устраивались разныя кадрили и шествія, и громадный успѣхъ выпалъ на долю устроителей знаменитой кадрили французскихъ модъ со временъ Франциска I до 1833 года.

Несмотря на промежутокъ трехъ столѣтій, современныя тогда моды во многомъ напоминали граціозныя моды эпохи Франциска I. Послѣ исполненія характерныхъ танцевъ или процессій начинался собственно балъ, среди котораго маскарадныя интриги, таинственные разговоры шли своимъ чередомъ, заставляя забывать

посѣтителей поздніе часы, пока разсвѣтъ не напоминалъ о томъ, что ночь прошла. Мужской костюмъ на этихъ балахъ состоялъ обыкновенно изъ чернаго фрака, короткихъ панталонъ и шелковыхъ чулокъ. Дамы являлись большею частью въ цвѣтныхъ домино, хотя мало-по-малу черныя стали преобладать;

1839 г.

зрительницы въ ложахъ, не принимавшія участія въ танцахъ, не надѣвали на голову капюшоновъ и только закрывали лицо бархатной полумаской съ широкимъ кружевомъ.

Учащаяся молодежь, посѣщавшая танцовальный залъ de la Grande Chaumière (Большой Хижины), произвела цѣлую революцію

въ танцахъ. Вмѣсто медленныхъ, граціозныхъ и элегантныхъ гавотовъ, которые танцовали ихъ отцы, студенты ввели въ моду какой-то ужасный танецъ, почти неприличный, напоминающій пляску св. Витта и который окрестили названіемъ chahut (будущій канканъ). Этотъ дикій танецъ, измышленный въ этомъ студенческомъ раю, откуда впослѣдствіи вышли всѣ политическіе и литературные перевороты, распространился среди народа и даже среди великосвѣтскихъ денди; онъ сталъ процвѣтать на маскарадныхъ балахъ Оперы и театра Варіетэ.

Въ первые годы царствованія Луи-Филиппа балы Оперы посѣщались избраннымъ обществомъ и считались вполнѣ приличными; только начиная съ 1835 г. балы эти утратили свой первоначальный видъ и превратились въ настоящія оргіи, гдѣ царила полнѣйшая разнузданность. Появившійся въ это время въ Парижѣ богатый англійскій лордъ Сеймуръ ввелъ въ моду самыя безумныя празднества и оргіи. Онъ бросалъ деньги пригоршнями, устраивалъ карикатурно-маскарадныя шествія, осмѣивая въ нихъ Луи-Филиппа, его дворъ и министровъ. Онъ поощрялъ и платилъ большія деньги за самые экстравагантные, а подчасъ и неприличные костюмы. Въ продолженіе всего карнавала цѣлыя толпы масокъ мужчинъ и женщинъ наводняли

всѣ кварталы Парижа, устраивая по желанію сумасброднаго лорда и на его средства вакханаліи, превращая такимъ образомъ парижскіе бульвары въ какое-то отдѣленіе римскаго Корсо.

1839 г.

Главными эпохами въ жизни тогдашнихъ модницъ и кокетокъ были три дня въ году, посвященные катанію въ Лоншанъ. Эти дни можно было назвать генеральнымъ смотромъ моды, и вся фешенебельная армія принимала въ немъ участіе. Это былъ любимый праздникъ всѣхъ франтовъ,

всѣхъ любопытныхъ и праздныхъ людей. Одни отправлялись показать свои туалеты, красивые экипажи и чистокровныхъ лошадей, другіе—поглядѣть и позлословить о баловняхъ фортуны. Тамъ на этой прогулкѣ можно было встрѣтить всѣхъ знаменитостей дня, писателей, художниковъ, сильныхъ міра и модныхъ красавицъ. По обѣ стороны этой широкой дороги тянулись одна за другой коляски, купэ, ландо и берлины (родъ кареты), запряженныя большею частью четверкой лошадей. Разодѣтыя по послѣдней модѣ молодыя красивыя женщины наполняли эти экипажи, гордясь сознаніемъ производимаго эффекта. Въ легкихъ тюльбери и тандемахъ ѣхали фешенебли и денди съ моноклемъ въ глазу и моднымъ цвѣткомъ камелій въ петлицѣ. Между этими рядами экипажей галопомъ проносились цѣлыя кавалькады амазонокъ и всадниковъ. Толпы зрителей, сидя по бокамъ дороги, глазѣли на эту блестящую толпу, на эту выставку тщеславія, богатства и суетности. Среди этихъ зрителей находились портные, модистки, вышивальщицы, сапожники и даже горничныя, разодѣтые по-праздничному и явившіеся сюда судить объ эффектѣ, производимомъ платьями, шляпами, обувью и прочими произведеніями ихъ ловкихъ и трудолюбивыхъ рукъ. Они громко разбирали туалеты катающихся, называли

имена Пальмиры, Бюрти, Викторинъ и др. шикарныхъ портнихъ, создавшихъ эти наряды, говорили также о модныхъ тканяхъ, называемыхъ шали-кашемиръ, крепъ Индо-

1840 г.

стана, батистъ Великаго Могола, Мемфиская кисея, Ліонскій фуляръ и др., перечисляли новѣйшія весеннія модели и выдающіеся костюмы. Однимъ словомъ, Лоншанъ въ эти три дня представлялъ изъ себя движущійся ба-

заръ модъ, куда парижане ѣздили набираться новыхъ вдохновенiй для будущихъ модъ. Въ заключенiе надо сказать, что женщины эпохи романтизма съ ихъ любовью къ литературѣ и искусству, съ ихъ тонкимъ и изысканнымъ вкусомъ, изяществомъ и элегантностью болѣе близки, такъ сказать, болѣе сродни женщинамъ нашей эпохи, нежели львицы 40-хъ годовъ, мечтательницы 50-хъ или кокетки Второй Имперiи.

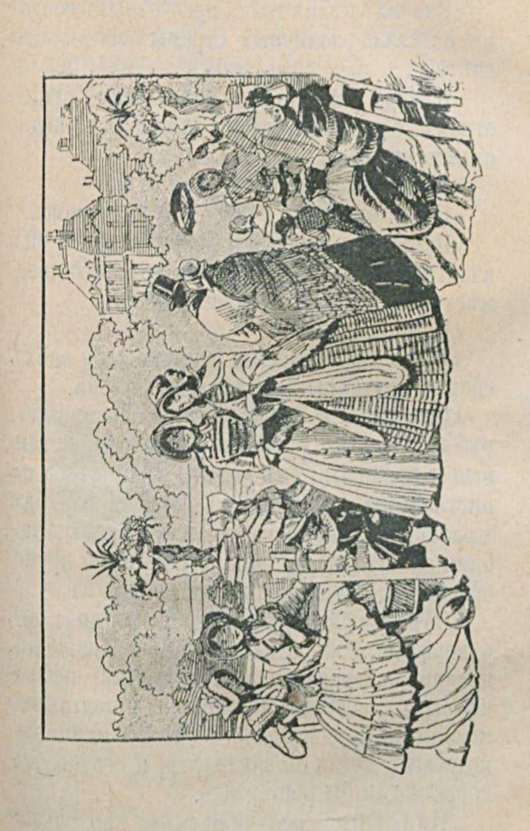
VI.

Фешенебельность и фешенебли съ 1840 по 1850 гг.

Въ эпоху существованія знаменитаго отеля Рамбулье «львицами» называли женщинъ обладательницъ рыжихъ волосъ, которыя, отличаясь независимымъ и непримиримымъ характеромъ, старались затмевать всѣхъ «пресьёзъ» утонченностью чувствъ и изысканностью выраженій. Въ 1840 году самый модный типъ женщинъ также сталъ извѣстенъ подъ названіемъ

«львицъ». Этимъ именемъ окрестилъ Альфредъ де-Мюссе свѣтскую модницу его эпохи. «Львица» являлась какъ бы образцомъ свѣтскаго изящества и элегантности, старалась казаться страстной и увлекательной любовницей и отличалась какой-то фатальной блѣдностью и необычайнымъ блескомъ глазъ. Въ это же время свѣтскій «левъ» царствовалъ на парижскихъ бульварахъ, поражая всѣхъ своимъ изысканнымъ дендизмомъ. Литераторы принялись тотчасъ же изучать и описывать эти типы; въ печати появились «Влюбленный Левъ» Фредерика Сулье и «Львиная Шкура» Шарля Бернара. Наступила мода на имена, почерпнутыя изъ королевскаго Зоологическаго сада. Было принято называть свою любовницу «моя тигрица»; балетную танцовщицу, которой покровительствовали, называли «моя крыса», грума—«мой тигръ». И это новое «argot» до того вошло въ обычай, что въ романахъ, этихъ точныхъ отраженіяхъ нравовъ данной эпохи, появились фразы въ родѣ слѣдующей: «Левъ» послалъ своего «тигра» къ своей «крысѣ». Мало-по-малу перебрали весь звѣринецъ, и, наконецъ, появилась «Физіологія льва», написанная Феликсомъ Дерьежемъ съ рисунками Гаварни и Домье. Въ предисловіи авторъ разсказываетъ весьма остроумно о сотвореніи грознаго короля новой моды:

«Вначалѣ цѣлая толпа прелестныхъ созданій населяла различныя страны элегантнаго свѣта.

«И Мода увидала, что всѣмъ этимъ существамъ, сотвореннымъ ея капризомъ, недостаетъ короля.

«И она сказала: Сотворимъ льва.

«Пусть бульваръ будетъ его царствомъ.

«Пусть онъ завоюетъ Оперу и пусть онъ властвуетъ повсюду отъ Монмартскаго предмѣстья до предмѣстья Сентъ-Оноре.

«И левъ явился.

«Тогда онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ своихъ подданныхъ и далъ имъ имена.

«Онъ назвалъ нѣкоторыхъ «Львицами»; это были женскія существа, богатыя, кокетливыя и красивыя; онѣ умѣли обращаться съ пистолетомъ и при случаѣ пускать въ ходъ хлыстъ, ѣздили верхомъ, какъ уланы, любили затягиваться папиросой и не пренебрегали замороженнымъ шампанскимъ.

«Онъ назвалъ другихъ «Пантерами»; онѣ отличались бойкостью манеръ и движеній, носили экстравагантныя прически, необычайныхъ размѣровъ кринолины и неутомимо искали на парижскомъ асфальтѣ экипажъ, которымъ могли бы завладѣть, и сердце, которое могли бы растерзать.

«Имя «Тигра» получили самые кроткіе люди, не имѣющіе ничего общаго съ кровожад-

ностью ихъ тезокъ; напротивъ того, послушаніе и подчиненіе были ихъ главными добродѣтелями. Бѣдные малыши, которыхъ

оторвали отъ удовольствія игры въ мельницу для того, чтобы облачить въ синія куртки и пестрые жилеты, въ высокія шляпы съ кокардами и сапоги съ отворотами.

«И, наконецъ, левъ многихъ назвалъ «Крысами»; это были прелестныя сильфиды изъ породы грызуновъ, очень прожорливыя отъ природы, но соблазнительныя, прекрасныя, стройныя и капризныя, обладающія способностью переносить оперное небо на асфальтъ парижскихъ бульваровъ.

«И Мода увидала, что все сотворенное ею было хорошо.»

Львицы дѣлились на нѣсколько разрядовъ, на свѣтскихъ, политическихъ и литературныхъ, но всѣ онѣ были одного и того же происхожденія, и Альфредъ де-Мюссе былъ ихъ крестнымъ отцомъ, а Жоржъ Зандъ могла по справедливости считать себя ихъ крестной матерью, потому что она была нравственной подстрекательницей этого новаго типа женщинъ, женщинъ-амазонокъ, отважныхъ до удальства, способныхъ на всякія самыя эксцентричныя выходки. Талантливая романистка своими произведеніями «Валентина», «Индіана», «Лелія» внушила всѣмъ воображаемымъ несчастнымъ жертвамъ любви эпохи романтизма идеи возмездія, отплаты, независимости и какой-то возмужалости, которыя превратили очень быстро этихъ прелестныхъ демоновъ въ юбкахъ почти въ мужчинъ.

Женщина 30-хъ годовъ представляла изъ себя сантиментальную мимозу; ея воображенie, экзальтированное романами Вальтеръ-Скотта и поэмами Байрона, заставляло ее

1840 г.

мечтать только о преданности, самопожертвованiи, страданiяхъ и безконечной нѣжности. Она любила предаваться самымъ мрачнымъ и грустнымъ фикцiямъ, и вся ея эстетика заключалась въ томъ, чтобы быть блѣдной,

какъ бы подточенной какимъ-то таинственнымъ страданіемъ, безтѣлесной, почти прозрачной. Казалось, она, подобно слабому тростнику, сгибается при малѣйшемъ дуновеніи страсти; непонятая никѣмъ, она безропотно покорялась своей судьбѣ, тихо увядала какъ надломленный цвѣтокъ, едва надѣясь на каплю счастія, которое, подобно каплѣ росы, могло бы ее оживить. Въ ея головкѣ не зарождалось даже намека на протестъ, а дни ея проходили въ грезахъ и мечтахъ. «Львица» явилась естественной реакціей этого болѣзненнаго и неестественнаго романтизма. Она сразу вышла на арену парижской свѣтской жизни, протестуя, вызывая и уже выпустивъ свои хорошо отточенные когти. Она научилась держаться въ сѣдлѣ не хуже любого бедуина, пить жженку и замороженное шампанское, фехтовать на шпагахъ, стрѣлять изъ пистолета, выкуривать сигару, не испытывая головокруженія, и твердой рукой управлять рулемъ и весломъ. Но, желая наружно походить на мужчину, «львица» внутренно оставалась все-таки женщиной и умѣла соединять любовь къ спорту и мужскія замашки съ элегантностью и изяществомъ и читать съ одинаковымъ интересомъ «Журналъ коннозаводства» и «Курьеръ дамскихъ модъ». Ея домашняя обстановка была роскошна и комфортабельна; со-

временный тогда писатель Эженъ Гюино такъ описываетъ одинъ изъ отелей Шоссе д'Антенъ, принадлежащій модной львицѣ: «Фасадъ отеля поражаетъ благородствомъ стиля

1841 г.

и простотой линій; прекрасный подъѣздъ ведетъ въ большую прихожую, заставленную тропическими растеніями и экзотическими цвѣтами; нѣсколько статуй красиво выдѣляются на фонѣ этой зелени. Поспѣшимъ въ

собственный аппартаментъ прекрасной хозяйки, которая уже встала. Онъ состоитъ изъ четырехъ комнатъ, вся ихъ обстановка подражаетъ строго-готическому стилю. Стѣны

1842 г.

спальни обтянуты голубымъ штофомъ, кровать съ высокимъ балдахиномъ, аналой, два шкафа, шесть креселъ чернаго дерева, украшенныя великолѣпной рѣзьбой, составляютъ главную омеблировку этой комнаты, допол-

няемую еще венеціанскими зеркалами, люстрой, канделябрами, вазами и кубками прекрасной чеканной работы. Двѣ картины только украшаютъ стѣны: «Юдифь» Паоло Веро-

1842 г.

незе и «Діана-Охотница» Андреа дель-Сарто. Гостиная напоминаетъ нѣсколько антикварный магазинъ по обилію мебели, картинъ и различныхъ украшеній, но больше всего

тамъ стариннаго оружія, развѣшаннаго по стѣнамъ и разставленнаго по угламъ. И чего тамъ только нѣтъ: копья, шпаги, рапиры, кинжалы, желѣзные нарукавники, сѣкиры, топоры, панцыри, шлемы, латы, и все въ такомъ изобиліи, что хватило бы для вооруженія десяти рыцарей. Будуаръ и ванная комната также въ готическомъ вкусѣ и также украшены воинственными эмблемами. И какъ-то странно видѣть среди этихъ страшныхъ когда-то смертоносныхъ остатковъ суроваго прошлаго элегантный безпорядокъ интимной жизни красивой молодой женщины; вашъ глазъ смотритъ съ удивленіемъ на кружевной шарфъ, повѣшенный на конецъ копья, на розовую атласную шляпку, кокетливо надѣтую на рукоятку рапиры, или на крошечныя бархатныя туфельки, стоящія рядомъ съ огромными грубыми сапогами средневѣковаго ландскнехта.»

Среди всей этой фальшиво-готической обстановки модница эпохи романтизма носила бы непремѣнно платье съ длиннымъ шлейфомъ, напоминающее костюмъ средневѣковыхъ шателенокъ, желѣзный кушакъ и стальныя украшенія, но модная львица 40-хъ годовъ не распространяла на свои костюмы того архаическаго стиля, который господствовалъ въ ея комнатахъ. Утромъ она надѣвала на голову батистовый чепчикъ, отдѣ-

ланный кружевами, капотъ изъ свѣтлой кашемировой ткани, застегивающійся съ верху до низу на петлицы, между которыми виднѣлась батистовая плисированная рубашка; на ногахъ у нея туфельки, которыя тогда

1843 г.

назывались «nonchalantes» и были вышиты суташью яркихъ цвѣтовъ. Въ этомъ костюмѣ она принимала своихъ поставщиковъ, портного, модистку, оружейника, сѣдельника и своихъ грумовъ. Съ дѣловымъ видомъ раз-

спрашивала она о своихъ лошадяхъ, провѣряла счета, отдавала приказанія садовнику и грумамъ. Затѣмъ она вторично одѣвалась для пріема своихъ пріятельницъ. Утренній чепчикъ замѣнялся кружевнымъ съ лентами (чепчики въ эту эпоху были вообще въ большой модѣ и носились при всякихъ туалетахъ), она надѣвала шелковую юбку съ тремя воланами и поверхъ нея фуляровый пенюаръ, прихваченный у таліи кушакомъ съ золотой пряжкой, и на руки митенки (прозрачныя шелковыя перчатки безъ пальцевъ). Въ такомъ видѣ она принимала своихъ пріятельницъ и садилась съ ними за столъ въ то время, какъ мужья завтракали въ модномъ кафе. Завтракъ былъ обильный и сытный; модницы 40-хъ годовъ не пренебрегали ѣдой и даже любили покушать: надо же было набирать силы для того образа жизни, который онѣ вели. И пока устрицы, индѣйки съ трюфелями, паштеты и т. п. быстро уничтожались, онѣ выпускали свои острые когти и слегка терзали репутаціи своихъ ближнихъ. Разговоръ вертѣлся главнымъ образомъ на спортѣ и на сплетняхъ; о литературѣ и искусствахъ не упоминалось даже ни единымъ словомъ; казалось, будто онѣ и не знали о томъ, что Викторъ Гюго принятъ въ Академію, что Мюссе издалъ свои поэмы, а Ламартинъ измѣнилъ поэзіи для политики,

что Альфонсъ Карръ—авторъ остроумныхъ «Осъ», а Мериме, Теофиль Готье, Гейне, Дюма и Сулье написали свои лучшія произведенія. Онѣ едва были знакомы съ именемъ Эжена Сю—и то только потому, что мода окрестила носовые платки именемъ героини

1813 г.

его романа «Парижскія тайны». Пока ея пріятельницы выкуривали сигару, хозяйка дома надѣвала амазонку цвѣта «лондонскій дымъ» и желтыя перчатки, напоминающія по фасону рыцарскіе наручники, сапоги съ серебряными шпорами и большую фетровую

шляпу. Онѣ всѣ отправлялись въ Тиволи, гдѣ было устроено голубиное стрѣльбище; выйдя изъ экипажей, которые теперь назывались «кларенсъ» и «американъ», онѣ входили туда, развязно болтая, и посреди цѣлой толпы денди и спортсмэновъ, съ которыми здоровались по-мужски, брали ружья, прицѣливались и почти безъ промаха попадали въ цѣль на лету. Сдѣлавъ двадцать-тридцать выстрѣловъ, онѣ удалялись, гордясь своими успѣхами и похвалами присутствующихъ. Въ Булонскомъ лѣсу ихъ дожидались верховыя лошади, и «львица», пустивъ свою лошадь въ галопъ, доѣзжала, не мѣняя аллюра, до мѣста скачекъ, держала тамъ пари на «Марьетту» или «Лепорелло» и обсуждала шансы той или другой лошади. Скачки оканчивались, и она возвращалась въ Парижъ брать урокъ фехтованія или плаванія. Вернувшись домой, она отдыхала нѣсколько минутъ въ своемъ будуарѣ, пока ей приготовляли ея вечерній туалетъ—платье изъ восточной матеріи, съ рукавами а-ла-бедуинъ или а-ла-персанъ; на волнистые, низко зачесанные на уши волосы она надѣвала греческій чепчикъ и прикалывала бенгальскую розу. Обѣдъ былъ такъ же обиленъ, какъ и завтракъ; на немъ присутствовали приглашенные обоего пола, и «львицы» не уступали «львамъ» въ количествѣ вы-

питаго вина. Разговоръ вертѣлся на новостяхъ дня, упоминали вскользь объ игрѣ Дежазе и восторгались танцами Фанни Эльслеръ. Кофе пили въ маленькихъ гостиныхъ,

1846 г.

комфортабельно обставленныхъ низкими диванами, козетками и визави; ноги утопали въ мягкихъ коврахъ, и кофе, поданный въ чашкахъ настоящаго англійскаго фарфора, казался отъ этого еще вкуснѣе. Но и этотъ

комфортъ не могъ удержать долго дома «львицу»; она спѣшила со своими гостями въ театръ прослушать актъ или два модной оперы. Ея пріѣздъ производилъ эффектъ; всѣ лорнетки направлялись на ея ложу, и она, довольная этимъ всеобщимъ вниманіемъ, шумно усаживалась, положивъ на балюстраду ложи свой неизбѣжный букетъ камелій, мѣшочекъ съ конфетами и мѣшочекъ въ золотой оправѣ. Что ей было за дѣло до пѣвцовъ, поющихъ тамъ, гдѣ-то на сценѣ! Весь интересъ ея сосредоточивался на зрительномъ залѣ; она смотрѣла на ложи своихъ знакомыхъ, старалась угадать завязки новыхъ любовныхъ интригъ, наблюдала, дополняла слышанное и измышляла новыя галантныя похожденія. Покинувъ оперу, она ѣхала на балъ или на чашку чаю къ пріятельницѣ и, плотно поужинавъ, возвращалась домой къ двумъ часамъ ночи. День ея былъ оконченъ, и въ цѣлыя сутки она не нашла даже одного часа для того, чтобы подумать, помечтать или полюбить.

Дѣти и мужъ меньше значили въ ея жизни, чѣмъ лошади и скачки; ея сердце было разъ навсегда заведенными часами, правильный ходъ которыхъ не нарушался ничѣмъ: ни поклоненіемъ «льва», ни ухаживаніемъ денди. Истинная любовь встрѣчалась въ эпоху 40-хъ годовъ лишь среди студен-

ческой и артистической богемы и среди народа; ее можно было также найти въ безхитростныхъ и веселыхъ разсказахъ Поль-де-Кока или на страстныхъ страницахъ

1847 г.

Проспера Мериме, но «львы» и «львицы» ея не признавали и не допускали. «Левъ» дѣлалъ только видъ, что очарованъ своей «пантерой», «тигрицей» или «крысой», а «львица» предпочитала всему спортъ и

сердце свое держала въ такомъ же образцовомъ порядкѣ, какъ и свои конюшни, т.-е. не допуская туда посторонняго элемента. Выставляться на показъ или не быть—вотъ

Съ 1840 по 1850 гг.

девизъ этихъ бездушныхъ маріонетокъ 40-хъ годовъ, носившихъ всю жизнь лишь показную маску и которыхъ такъ прекрасно изобразилъ остроумный Гаварни въ своихъ карикатурахъ.

VII.

Панорама модъ 1850 года.

Революціонная буря 1848 года смела съ парижской житейской арены послѣднихъ «львицъ». Прошли красные дни спорта; лошади продолжали играть роль только на скачкахъ, и парижскій гипподромъ пустовалъ, лишившись своихъ завсегдатаевъ. Республика модъ (убѣжденныя республиканки не говорили больше: «царство модъ») создала два типа модныхъ женщинъ, вѣрнѣе, двѣ школы: les tapageuses (шумихи) и les mysterieuses (таинственныя, скрытныя). Представительницы первой отличались горделивой осанкой и легкомысленнымъ видомъ; онѣ гордо носили свои перья въ видѣ султановъ и надѣвали на показъ свои бриллiанты въ видѣ діадемъ. Послѣдовательницы второй школы узнавались по ихъ благороднымъ и сдержаннымъ позамъ и манерамъ; перья ихъ куафюръ

нѣжно и печально покачивались наподобіе плакучей ивы, а брилліанты онѣ носили вдѣланными въ скромныя гребенки, покрывая ихъ почти совсѣмъ волосами. Первыя высказывали прямо и открыто, что хотятъ во что бы то ни стало производить эффектъ и вызывать восхищеніе; вторыя, казалось, скромно скрываются въ полумракѣ, мечтая о томъ, чтобы ихъ и тамъ замѣтили. Роль первыхъ, какъ представительницъ моды, была очень простая и не сложная: она состояла только въ томъ, чтобы отыскивать и носить костюмы, которыхъ еще никто не носилъ; роль же вторыхъ была гораздо сложнѣе и требовала много такта: нужно было носить то, что никто не рѣшался одѣть, и въ то же время казаться такъ же просто одѣтыми, какъ и большинство женщинъ.

Нѣкоторыя портнихи научились удовлетворять требованіямъ обѣихъ враждебныхъ школъ. «Мистерьезъ» находили у нихъ скромную, мягкую, темную одежду, которая подходила какъ нельзя лучше къ ихъ характеру,— напримѣръ, скромное манто изъ бархата съ отдѣлкой изъ пасмантри (басонная отдѣлка), но бархатъ былъ высокаго достоинства, а пасмантри — прекрасной работы, и покрой манто обличалъ искусную руку извѣстной портнихи. Преимущество изящной простоты этого манто заключалось въ томъ, что оно

подходило ко всѣмъ обстоятельствамъ и случаямъ и было всюду и вездѣ прилично. Прикрывъ свое платье такимъ плащомъ, свѣтская дама могла одинаково посѣщать пріюты

1852 г.

и жилища бѣдняковъ, а также своихъ богатыхъ пріятельницъ. Школа «тапажезъ» находила у тѣхъ же портнихъ иныя одежды; это былъ, положимъ, тотъ же плащъ, но отдѣланный семьюдесятью метрами роскош-

наго и дорогого кружева; онъ годился лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда модница хотѣла куда-нибудь явиться во всеоружіи своего кокетства. Послѣдовательницы школы «мистерьезъ» претендовали на любовь къ искусству и ко всему артистическому, а поэтому часто копировали свои моды съ картинъ знаменитыхъ художниковъ; нерѣдко можно было видѣть на головѣ какой-нибудь прекрасной «мистерьезъ» прелестную шляпу, точно скопированную съ Рубенсовскаго портрета, или красиво и изящно накинутый на голову прозрачный вуаль, заимствованный у какой-нибудь Рафаэлевской Мадонны, а маленькій кокетливый чепчикъ изъ тюля, черныхъ кружевъ и бѣлыхъ цвѣтовъ являлся копіей головного убора, изображеннаго на картинѣ Ланкрэ или Ватто и Шардена. Прекрасныя «тапажезъ» заказывали свои платья предпочтительно портнихамъ, обладающимъ нѣкоторой дозой начитанности и знакомымъ съ исторіей другихъ народовъ, и тѣ имъ создавали греческіе или турецкіе корсажи, польскія кофты, китайскія тюники, венгерскіе долманы и русскія амазонки. Это были странные, подчасъ, быть можетъ, очень смѣлые костюмы, но зато всегда красивые. Все парижское общество 1850 года беззаботно и съ увлеченіемъ предавалось самымъ разнообразнымъ увеселеніямъ, и вѣрилось какъ-то

съ трудомъ, что Франція только-что пережила революцію, радикально измѣнившую форму правленія. Повсюду говорилось только о блестящихъ балахъ и вечерахъ, задавав-

1856 г.

шихся президентомъ Національнаго Собранія и принцемъ Наполеономъ, президентомъ республики, о роскошныхъ праздникахъ у турецкаго посланника и у извѣстныхъ банкировъ. Давались балы въ предмѣстьѣ Сенъ-

Жерменъ, въ Ратушѣ и много частныхъ и благотворительныхъ баловъ. Но больше всего посѣщались только - что вошедшіе въ моду балы актрисъ, и противъ этой все болѣе и болѣе возрастающей моды, превратившейся въ какую-то манію, не могли бороться ни аристократическіе, ни правительственные, ни общественные балы, и модные франты той эпохи пускались на всевозможныя хитрости и интриги, чтобы добиться приглашенія на эти балы. Великосвѣтскія дамы, возмущенныя такимъ успѣхомъ «театральныхъ дамъ», рѣшили между собой не принимать кавалеровъ, посѣщающихъ ихъ балы, но ничто не помогало, и аристократкамъ пришлось отмѣнить свое строгое рѣшеніе, иначе имъ бы пришлось никого не принимать. Театры никогда еще такъ усердно не посѣщались, какъ въ 1850 году; пьесы Мюссе, Понсара, Барбье, Скриба, Легуве и др. пользовались громаднымъ успѣхомъ. Во главѣ администраціи театра «Comédie Française» стоялъ писатель Арсенъ Гуссе, поднявшій этотъ театръ до высокой степени совершенства. Въ италіанской оперѣ производила фуроръ пѣвица Зонтагъ, привлекая туда все великосвѣтское общество. Въ салонахъ всѣ разговоры велись главнымъ образомъ о новыхъ пьесахъ, о необычайныхъ талантахъ актеровъ и актрисъ, пѣвицъ и танцовщицъ; эти темы стали та-

кими излюбленными, что даже замѣнили неизбѣжный до того времени разговоръ о погодѣ. Казалось, театръ пробудилъ во всѣхъ тщеславіе, всѣмъ захотѣлось испробовать

1857 г.

свои силы на подмосткахъ, открыть въ себѣ сценическій талантъ, и лавры Фредерика Леметра, Розы Шери и др. не давали никому покоя. «Каждый салонъ превратился въ сцену», пишетъ Огюстъ Вильмо (Villemot), мод-

ный хроникеръ той эпохи, «каждая ширма служитъ кулисой, а каждый тесть замѣняетъ суфлера. Всѣхъ привлекаетъ и всѣхъ занимаетъ эта игра «въ актеры»; женщинъ занимаютъ хлопоты, суета, сопряженныя съ устройствомъ спектаклей,—это все же лучше обычной скуки пріемныхъ дней; кромѣ того, репетиціи, объясненія въ любви, допускаемыя по ходу пьесы, нѣжныя пожатія рукъ, комплименты, сказанные дѣйствующему лицу, но которые такъ пріятно принять на свой счетъ, роль, гдѣ можно смѣяться, если зубы хороши, или пріятно улыбаться, если губы красивы, фантастичные костюмы, позволяющіе выказать въ новомъ свѣтѣ красоту,—все это говорило въ пользу спектаклей, пріятно щекотало самолюбіе и заставляло изощрять свое кокетство. Мнѣ», продолжаетъ дальше Вильмо, «называли имя одной родовитой аристократки, которая гордится своими чудными бѣлокурыми волосами больше, чѣмъ всѣми своими предками. Ея завѣтная мечта—сыграть роль Евы, и вотъ она все ищетъ подходящую пьесу въ стихахъ или прозѣ, упрашиваетъ всѣхъ поэтовъ написать «Новый потерянный рай». Злые языки утверждаютъ, что нашелся молодой и знаменитый писатель, согласившійся написать такую пьесу, только съ условіемъ, чтобы онъ исполнялъ роль змѣя-искусителя, но, какъ кажется, кра-

савица обѣщала уже эту роль другому, а поэтому пьеса не пишется, и за неимѣніемъ лучшаго прекрасная Ева исполняетъ всевозможныя роли, лишь бы въ нихъ можно было падать въ обморокъ, при чемъ ея роскошные

1859 г.

волосы какъ бы не нарочно распускаются и покрываютъ ее точно золотистымъ плащомъ.» Карнавалъ проходилъ среди несмолкаемаго шума бальныхъ оркестровъ, но съ первыхъ же дней поста парижскія модницы принима-

лись усердно посѣщать модныя церкви и слушать модныхъ проповѣдниковъ, громившихъ съ амвона безумную роскошь женскихъ нарядовъ и легкость нравовъ. Они разражались рѣчами полными негодованія противъ господствующихъ модъ, противъ нарождающихся, хотя еще очень скромныхъ, кринолиновъ. Прекрасныя грѣшницы почтительно и набожно выслушивали эти потоки краснорѣчія, давали обѣты исправиться, подумывали даже одѣться въ скромный ситецъ и органди, но наступающіе затѣмъ знаменитые дни Лоншанъ заставляли позабыть всѣ эти благія намѣренія, и всѣ онѣ спѣшили наперерывъ затмевать другъ друга роскошью, экстравагантностью и блескомъ своихъ туалетовъ.

Революція 1848 года не внесла почти никакихъ измѣненій въ костюмы; появились только нѣсколько трехцвѣтныхъ кушаковъ и бантовъ, а также плащи «жирондистовъ», но въ общемъ моды въ началѣ второй республики отличались изящной простотой и скромностью, и великосвѣтскія красавицы избѣгали всего эксцентричнаго въ своихъ нарядахъ. Утромъ обыкновенно модница, строго слѣдящая за требованіями моды, надѣвала капотъ изъ кашемировой ткани, подбитый шелкомъ и даже стеганный на ватѣ, съ широкими польскими рукавами (въ родѣ рукавовъ кунтушей), откинутыми назадъ; вто-

рые рукава, узкіе, дѣлались изъ батиста или изъ кисеи съ прошивками. Носили также шелковые, атласные и штофные капоты, богато отдѣланные кружевами или лентами.

1860 г.

Для утреннихъ прогулокъ или визитовъ надѣвали редингот̀ъ (жакетъ въ талью) изъ тяжелой шелковой матеріи репса или гро-детура. Эти редингогы отдѣлывались басономъ или шерстянымъ кружевомъ, но чаще всего

ихъ дѣлали совершенно гладкими. Самыя модныя шляпы были, такъ называемыя, «капотъ» (шляпа съ завязками); ихъ дѣлали изъ тафты, покрытой крепъ-лисомъ или шелковыми блондами, ихъ отдѣлывали бархатными цвѣтами, большей частью аврикулами или пансэ (Иванъ-да-Марья); чепчики или наколки продолжали быть въ большой модѣ; ихъ дѣлали изъ дорогихъ кружевъ, какъ-то: point d'Angleterre, chantilly, или изъ шелковыхъ блондъ съ лентами. Привезенныя изъ Италіи большія шляпы флорентинской соломы произвели фурор ъ; ихъ стали украшать страусовыми перьями, тюльпанами, розами и ландышами. Въ жаркіе лѣтніе дни модницы любили наряжаться въ легкія барежевыя платья и даже въ болѣе скромныя—кисейныя и ситцевыя. Носили юбки съ тремя воланами, очень пышныя и широкія; женщины же маленькаго роста удовольствовались однимъ, но очень широкимъ воланомъ. На плечи накидывали шали изъ китайскаго крепа, вышитыя шелками; богатая фантазія китайца-вышивальщика изображала на этихъ легкихъ шаляхъ пагоды, китаянокъ съ вѣерами, самыхъ диковинныхъ птицъ, драконовъ и необыкновенные цвѣты. Носили также длинные шарфы изъ тюля или гипюра и изъ черной тафты съ ткаными бордюрами. Воображеніе портнихъ изощрялось больше всего на бальныхъ

платьяхъ. Эти платья дѣлались внизу необычайной ширины; подолъ украшался всякими буфами, біэ, оборками и бульонэ для того, чтобы юбка внизу казалась еще шире.

1860 г.

Для вечернихъ и обѣденныхъ туалетовъ лифъ вырѣзался только спереди четырехугольникомъ (карэ); этотъ вырѣзъ позволялъ отдѣлывать лифъ массой кружевъ, лентъ и блондъ. Модные журналы за одинъ только 1850 г. упоминаютъ о тысячѣ восьмисотъ различ-

ныхъ моделей однихъ только бальныхъ платьевъ. Сорти-де-баль подбивались мѣхомъ или только отдѣлывались имъ. Прическа а-ла Мари Стюартъ соперничала съ прической а-ла Валуа; эта послѣдняя пользовалась большимъ успѣхомъ среди молодыхъ женщинъ, послѣдовательницъ школы «тапажезъ». При этой прическѣ волосы зачесывались высоко на макушку въ родѣ китайской прически, а передніе волосы укладывались вокругъ головы въ формѣ валика, оставляя лобъ совершенно открытымъ; кромѣ того, прикалывались цвѣты или легкія наколки изъ блондъ. Были также въ модѣ прически «а-ла друидъ» съ гирляндами изъ дубовыхъ листьевъ, «а-ла Прозерпинъ» съ полевыми цвѣтами и «а-ла Нереидъ» съ водяными лиліями. Носили длинныя золотыя цѣпочки, украшенныя жемчугомъ; онѣ обвивались раза два вокругъ шеи и спускались до таліи, затѣмъ много брошекъ, браслетовъ и колецъ, большей частью эмальированныхъ, прекрасной тонкой работы; золотыя шпильки, которыми прикалывались чепчики или наколки, были съ длинными брилліантовыми или жемчужными подвѣсками. Одно время вошли въ моду бархатки въ видѣ колье на шеѣ и при широкихъ, почти открытыхъ рукавахъ «а-ла пагодъ» надѣвали также бархатные браслеты шириной въ два пальца, съ бантами.

Изъ модныхъ салоновъ пользовались большой извѣстностью салоны г-жъ Гюго и Скрибъ, графинь де-ла-Рошфуко и де-Виларсъ. Общество, пережившее волненія 1848 года, могло, наконецъ, спокойно пре-

1860 г.

даваться удовольствіямъ; политическій горизонтъ былъ чистъ, внутренніе раздоры прекратились и умолкли, не чувствовалось больше опасеній за завтрашній день, и всѣ старались позабыть о политикѣ и революціяхъ.

Модной темой для разговоровъ явились воздушные шары и способъ управленія ими; говорили также о воздушномъ фрегатѣ Эола; изобрѣтатель его, испанецъ Монтемаіоръ

1860 г.

очень гордился своимъ изобрѣтеніемъ и возлагалъ на него большія надежды. Калифорнія и постоянно открываемыя тамъ копи, быстро обогащающія искателей золота, вскружили голову рѣшительно всѣмъ и пробудили

страсть къ легкой наживѣ. Дамамъ представлялась эта далекая Калифорнія чѣмъ-то въ родѣ заколдованной страны, гдѣ брилліанты лежатъ грудами, а рѣки катятъ свои воды по золотому песку, и многія изъ нихъ стали серіозно помышлять о поѣздкѣ въ Санъ-Франциско. Вмѣстѣ съ карнаваломъ 1850 года исчезли послѣдніе цвѣтные мужскіе костюмы; съ этого года воцарились монотонно-однообразные и некрасивые черные фраки и сюртуки и царствуютъ до нашихъ дней, несмотря на всѣ попытки нашихъ современныхъ «эстетовъ» и «саровъ» (послѣдователи Саръ Пеладана), стремившихся одно время ввести болѣе разнообразія и живописности въ мужской костюмъ.

Въ эпоху кринолина.

VIII.

Парижъ Второй Имперіи.

Несмотря на всѣ свои причуды, подчасъ даже мало эстетичныя, на свои капризы и разнообразныя измѣненія, мода до эпохи Второй Имперіи никогда не была смѣшна и безобразна. Начиная же съ этой эпохи мода во всѣхъ своихъ проявленіяхъ какъ бы преднамѣренно стремится къ обезображиванію всѣхъ формъ и линій женской фигуры и къ полнѣйшему безвкусію. Это самый карикатурный, неизящный и неэлегантный періодъ

царства моды. Разсматривая модные журналы того времени, приходится убѣдиться, что человѣческое воображеніе не могло придумать ничего болѣе ужаснаго, болѣе кричащаго и болѣе экстравагантнаго. Съ первыхъ же страницъ наталкиваемся мы на кринолины, на широчайшія юбки съ массой оборокъ и волановъ, туго накрахмаленныя и почти невѣроятныя по объему, и на другія безвкусныя произведенія карикатурныхъ модъ Второй Имперіи.

Вообще и общество и общественные нравы очень преобразились со времени республики 1848 года. Желѣзныя дороги, только-что проведенныя по разнымъ направленіямъ страны, сильно повліяли на нравы французовъ, бывшихъ до того времени большими домосѣдами, рѣдко даже выѣзжавшими за предѣлы ихъ родныхъ городовъ. Страсть къ путешествіямъ овладѣла всѣми классами общества; удобство сообщенія, благодаря примѣненію силы пара, позволило легко и удобно предпринимать поѣздки на воды и на морскія купанья, а совмѣстныя путешествія сравняли и смѣшали всѣ общественные слои и положенія. Состоянія стали быстрѣе наживаться; обладатели этихъ богатствъ, вчерашніе парвеню, принимались обществомъ съ распростертыми объятіями; хвастливость и тщеславіе овладѣли всѣми, и роскошь сдѣлалась грубой, вызы-

вающей и кричащей. Казино, курзалы, публичные балы, игорные дома начали завлекать и привлекать публику. Въ Спа, Баденъ-Баденѣ, Эмсѣ, позже и въ Монако, можно было встрѣтить рядомъ за игорнымъ столомъ

1861 г.

даму полусвѣта и великосвѣтскую модницу, и послѣдняя нисколько не смущалась такимъ близкимъ сосѣдствомъ представительницы каскаднаго и канканнаго міра. Тогда почти одновременно появились кокотка и кокодетка: первая—продажная гетера, наполняющая

Парижъ и другіе веселые города шумомъ своихъ похожденій и блескомъ своихъ экстравагантныхъ костюмовъ самаго дурного тона; вторая—пресыщенная, скучающая великосвѣтская львица, изображающая изъ себя

1862 г.

современную Фрину и перенявшая у продажныхъ дѣвъ ихъ жаргонъ, манеры, ужасающіе шиньоны, румяна и мишурный блескъ нарядовъ. Различіе между кокоткой, или, какъ ихъ тогда называли, мраморной дѣвой, или

«la biche», и кокодеткой было весьма незначительное: первая боролась за свое существованіе, вторая же боролась только противъ снѣдавшей ее скуки, пустоты и безцѣльности ея жизни. Съ появленіемъ этихъ мод-

1863 г.

ныхъ женскихъ типовъ наступило царство дурного тона, пошлости и нахальства. Изящество, вкусъ, элегантность осмѣивались; пониманіе искусства и само искусство никогда еще не доходило до такой низкой сте-

пени, какъ во время Второй Имперіи. Стоитъ только посмотрѣть гравюры, виньетки и картины той эпохи, чтобы въ этомъ убѣдиться. Даже модныя ткани и тѣ отличались безвкусіемъ, вульгарностью рисунка и яркостью тоновъ; нельзя себѣ представить костюмовъ болѣе противныхъ всякимъ законамъ гармоніи красокъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ щеголяли модницы Второй Имперіи. Врядъ ли можно придумать болѣе рѣзкій лиловый цвѣтъ, болѣе яркій розовый и болѣе «незрѣлый» зеленый, а между тѣмъ это были излюбленные модные цвѣта, къ нимъ присоединили еще красные сольферино, маренго, санъ-де-бефъ такихъ яркихъ оттѣнковъ, что, казалось, одного упоминанія о нихъ достаточно, чтобы привести въ ярость всѣхъ быковъ Андалузіи.

Императрица Евгенія съ первыхъ же дней своего царствованія стала законодательницей дамскихъ модъ, и она сумѣла навязать всей Франціи, даже, можно сказать, всему міру, свой эксцентричный, бьющій въ глаза, но лишенный всякаго изящества вкусъ испанки. Ея свадебный нарядъ отличался почти невиданной еще роскошью: на ней было одѣто бѣлое бархатное платье съ длиннѣйшимъ шлейфомъ, юбка, вся покрытая воланами изъ роскошныхъ старинныхъ алансонскихъ кружевъ; передъ лифа былъ украшенъ массой бриллiантовъ, даже застежки замѣнялись

бриллiантами въ видѣ колосьевъ; фата, также изъ тончайшихъ алансонскихъ кружевъ, придерживалась на головѣ небольшимъ вѣнкомъ изъ флёръ-д'оранжа и великолѣпной дiаде-

1863 г.

мой изъ сапфировъ, представляющихъ цѣлое состоянiе.

Моды первыхъ годовъ Второй Имперiи мало отличались отъ модъ 1850 года, только юбки стали еще шире и пышнѣе, носили корсажи «Помпадуръ», «Ватто» и «а-ла

віержъ» съ отдѣлкой изъ кружевъ, бархата, цвѣтовъ и лентъ, собранныхъ рюшкой. Появились платья изъ муаръ-антика розоваго и голубого, корсажи-баски, отдѣланные бахромой и бѣлыми перьями; таліи у лифовъ стали короче, но все же въ общемъ костюмы были еще красивы, и даже замѣчалось какъ бы стремленіе вернуться къ модамъ временъ Перваго Консульства.

Но вдругъ во второй половинѣ царствованія Наполеона III кринолинъ, изрѣдка лишь появлявшійся до того времени, окончательно воцарился, къ удивленію не только всѣхъ здравомыслящихъ людей, но даже ярыхъ модницъ, которыя инстинктивно чувствовали весь комизмъ и карикатурность этой некрасивой и неудобной моды. «Критики постоянно преслѣдовали эту дикую моду», говоритъ Шаламель въ своей исторіи модъ, «они находили, что кромѣ кринолина есть много другихъ способовъ поддерживать юбки съ ихъ безчисленными воланами, предлагали замѣнить его туго накрахмаленными нижними юбками съ нашитыми другъ на друга оборками или же волосяными юбками. Несмотря на своихъ многочисленныхъ враговъ, а, можетъ быть, именно благодаря имъ, мода на кринолинъ возрастала и продержалась почти пятнадцать лѣтъ. Многія женщины, вначалѣ сильно протестовавшія противъ кринолиновъ, кончили тѣмъ,

что начали ихъ носить, потому что всѣ эти туго накрахмаленныя юбки, которыхъ приходилось надѣвать до пяти штукъ, не могли такъ хорошо поддерживать платья и, кромѣ того, были страшно тяжелы, такъ что модницамъ

1863 г.

приходилось поневолѣ прибѣгать къ этимъ клѣткамъ изъ стальныхъ обручей, напоминающимъ курятники. Самые важные политическіе вопросы не могли такъ занимать и волновать французовъ, какъ занимали француженокъ вопросы о кринолинахъ; все общество было

раздѣлено на два лагеря: одни осмѣивали эту моду, находя ее не только некрасивой, но даже совершенно неприличной; другіе же говорили, что нельзя не подчиняться требованіямъ моды и что все, что модно—красиво. Кринолинъ восторжествовалъ, и всѣ его противники, не желающіе его признавать, стали считаться людьми отсталыми и упрямыми.»

Нельзя себѣ представить, сколько потратилось чернилъ и поломалось перьевъ за и противъ этой безразсудной моды; появилась въ печати масса брошюръ, карикатуръ, сатиръ, даже цѣлыхъ трактатовъ и нѣсколько поэмъ, и все же въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ кринолинъ не выходилъ изъ моды, тогда какъ всѣ остальныя принадлежности женскаго туалета подвергались частымъ измѣненіямъ въ періодъ годовъ 1854—1870. Многія изъ нашихъ читательницъ, достигшія уже того почтеннаго возраста, когда ихъ думы и мысли съ любовью возвращаются къ днямъ счастливой юности, не разъ вспоминаютъ о платьяхъ, которыя онѣ тогда носили,—быть можетъ, даже, гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ ихъ шкафовъ или сундуковъ хранятся вышитые воротнички, шемизетки, лифа съ рукавами «а ла пагодъ», шарфы изъ крепъ-де-шина. Передъ ихъ глазами, можетъ быть, возстаютъ манто «Тальма» и «Мускетеръ», и первыя

ротонды, эти ужасныя ротонды, превращавшія самыхъ граціозныхъ женщинъ въ какія-то ходячія сахарныя головы, алжирскіе бурнусы, бедуины съ кистью на концѣ капюшона и всевозможные капоры, которые имъ

1863 г.

пришлось носить, зимой стеганные на ватѣ огромныхъ размѣровъ, большей частью шелковые, а лѣтомъ батистовые или кисейные, отдѣланные массой лентъ и подбитые цвѣтнымъ шелкомъ. Въ модныхъ журналахъ той

эпохи находимъ мы разные «фигаро», «зуавки», «греческія и турецкія кофточки», костюмы изъ сукна или тяжелаго шелка съ отдѣлкой изъ мерлушки, болѣе извѣстной во Франціи подъ названіемъ «astrakan», и какое повсюду обиліе всевозможныхъ галуновъ, шнуровъ, пасмантри и вышивокъ суташомъ. Носили еще пальто «Лала Рукъ» и «Лидія», кофточки-безрукавки «Сенорита» изъ бархата или шелка довольно яркихъ цвѣтовъ, блузы-рубашки «Гарибальди» изъ фуляра или тафты цвѣта «Сольферино», «Маренго», «Гаванна», вышитыя русскимъ швомъ или тамбуромъ. Тогда же появились кушаки изъ русской кожи съ металлическими пряжками; модницы принялись навѣшивать на себя массу брелоковъ и цѣпочекъ, носить шиньоны и локоны рыжіе, красные, желтые и даже цвѣта томатъ. Модныя шляпы назывались попеременно то «Тріанонъ», то «Ламбаль», «Ватто» или «Мари-Антуанетъ». Но верхомъ безвкусія были модныя тогда прически: фальшивые волосы, подъ названіемъ шиньоновъ, локоновъ, торсадъ, перемѣшивали съ настоящими, и при томъ въ такомъ количествѣ, что голова превращалась во что-то близко напоминающее копну сѣна, и все это взбивалось, завивалось и растрепывалось до-нельзя; казалось, чѣмъ безпорядочнѣе, эксцентричнѣе прическа, тѣмъ болѣе соот-

вѣтствовала она требованіямъ моды. Женщина какъ будто задалась цѣлью превратиться въ карикатуру, и чѣмъ смѣшнѣе, экстравагантнѣе былъ ея туалетъ, тѣмъ

1864 г.

больше шансовъ было у нея сдѣлаться одной изъ законодательницъ модъ.

Бульварныя газетки, въ которыхъ впервые стали появляться репортерскіе отчеты о модахъ, были переполнены самыми точными описаніями туалетовъ, которые въ

наши дни считались бы просто невозможными и противными всякому здравому смыслу. Не было ничего естественнаго, натуральнаго въ этихъ модахъ, все было фальшиво, театрально и главнымъ образомъ некрасиво. Когда же модница, водрузивъ на верхушку этихъ монументальныхъ прическокъ маленькую шляпку, напоминающую собой плоскую тарелку, надѣвъ короткое, яркаго цвѣта и съ крупными рисунками платье, навѣсивъ на себя всякихъ погремушекъ, отправлялась на прогулку, опираясь на зонтикъ-палку, она скорѣе напоминала самку обезьяны, наряженную въ костюмъ, нежели изящную парижанку. Ихъ достойными партнерами являлись франты той эпохи «пети креве» (petits crevés) и «кокодесы»: это были безжизненныя маріонетки; блѣдные, истасканные, размалеванные и надушенные, они съ трудомъ цѣдили сквозь зубы слова, нарочно картавя и пришепетывая; ихъ костюмъ, который они находили, по модному тогда выраженію, «épatant» (поразительный, ни съ чѣмъ не сравнимый), былъ до послѣдней степени комиченъ и некрасивъ. На морскихъ купаньяхъ въ Біаррицѣ, Діеппѣ, Трувилѣ, на водахъ въ Пломбіерѣ, Спа и другихъ городахъ,—однимъ словомъ, повсюду, гдѣ лѣтомъ и осенью собирались великосвѣтскія модницы и красавицы полусвѣта, царила самая безумная роскошь,

деньги тратились безъ всякаго толка и смысла, безъ всякаго удовольствія для себя лично, а только для того, чтобы поразить и ослѣпить любопытныхъ зѣвакъ.

1864 г.

Роскошныя платья, затканныя золотомъ, корсажи, покрытые дорогими вышивками, масса драгоцѣнныхъ украшеній въ видѣ брелоковъ, медальоновъ, браслетовъ, араб-

скіе бурнусы съ бриллiантовыми застежками, золотыя кружева тончайшей работы, — все это носилось и выставлялось на показъ на всѣхъ этихъ ярмаркахъ тщеславія, на этихъ пляжахъ, казино и курзалахъ. Бальные туалеты достигали часто баснословныхъ цѣнъ, благодаря ихъ украшеніямъ: такъ, напримѣръ, для одного придворнаго бала въ 1869 году графиня де-Муши отдѣлала свое бальное платье брилліантами на сумму болѣе двухъ милліоновъ франковъ. Подъ конецъ Имперіи нѣсколько аристократокъ, возмущенныя царившимъ безвкусіемъ, бросили носить кринолины и отказались отъ яркихъ цвѣтовъ, предпочитая имъ болѣе скромные и темные оттѣнки, между которыми преобладали оливковый, янтарный и суровый цвѣтъ, но это были лишь единичныя личности, а масса продолжала все также эксцентрично одѣваться, подражая во всемъ императрицѣ Евгеніи.

Великосвѣтское общество, богатые и независимые люди проводили все лѣто и даже оставались до глубокой осени въ своихъ имѣніяхъ и замкахъ, гдѣ жилось очень шумно и весело и гдѣ охота, любимое развлеченіе всѣхъ, даже и дамъ, затягивалась до декабря мѣсяца. Казалось, общество очень неохотно возвращалось на свои зимнія квартиры въ Парижъ. Зимній сезонъ начинался

очень поздно; кромѣ баловъ были въ модѣ концерты, спектакли, главнымъ образомъ оперетки и, такъ называемыя, пластическія живыя картины. Кокодетки съ восторгомъ набросились на это послѣднее развлеченіе и

1864 г.

изображали «Судъ Париса», «Юпитера и Леду», «Діану и Эндиміона» и другіе миѳологическіе сюжеты въ самыхъ рискованныхъ костюмахъ.

Даже великій постъ не прекращалъ этой жажды веселья; правда, дамы усердно по-

сѣщали бесѣды (conférences) отца Гіацинта (père Hyacinthe) въ соборѣ Нотръ-Дамъ, но его слишкомъ свѣтскія проповѣди мало дѣйствовали на всю эту публику, которая отправлялась слушать этого знаменитаго монаха потому, что такъ было принято, и потому, что всѣ говорили о немъ. Выходя изъ собора, эти прекрасныя грѣшницы не облачались во власяницу и не посыпали голову пепломъ, а отправлялись аплодировать Патти въ италіанскую оперу, восторгаться знаменитой каскадной дивой—Гортензіей Шнейдеръ въ модной опереткѣ «Герцогиня Герольштейнская» или же любоваться блестящей феееріей «La biche au bois». И церковный звонъ, возвѣщавшій начало ранней обѣдни, заставалъ этихъ представителей и представительницъ веселящагося Парижа съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ въ какомъ-нибудь модномъ ресторанѣ. Пріемы, балы, вечерніе и дневные праздники не прекращались даже послѣ Пасхи; салоны какъ бы старались наверстать время, потерянное въ началѣ зимы, и съ трудомъ рѣшались закрыть свои гостепріимныя двери.

Лоншанъ и скачки вновь вошли въ моду; всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, такъ называемаго, «Grand prix de Paris» (главный призъ), послѣ чего зимній сезонъ Парижа считался оконченнымъ. Этотъ день

составлялъ новую эру въ царствѣ моды, и мѣсто скачекъ въ этотъ день являлось сборнымъ пунктомъ всего Парижа. Тамъ можно было встрѣтить всѣхъ знаменитостей аристократическаго и театральнаго міра, предста-

1866 г.

вителей искусства и литературы и, главнымъ образомъ, всѣ звѣзды полусвѣта, можно было любоваться ужасными по эксцентричности и грубой роскоши туалетами. Два писателя, Арсенъ Гуссе въ своей «Исповѣди» (Confes-

sions) и Эмиль Зола въ романѣ «Добыча, брошенная собакамъ» (La curée) увѣковѣчили въ блестящемъ описаніи эти скачки, а Эмиль Зола далъ, кромѣ того, такую прекрасную и наглядную картину Елисейскихъ Полей въ моментъ разъѣзда со скачекъ, что читатель какъ бы видитъ передъ собой всю эту шумную, веселую, беззаботную, преданную только удовольствіямъ, толпу лоретокъ, кокотокъ, иностранцевъ-авантюристовъ, подозрительныхъ банкировъ и придворныхъ Второй Имперіи, девизомъ которой могли бы быть слова Раблэ: «Живемъ для веселья!»

Парижскіе бульвары въ концѣ царствованія Наполеона III походили на блестящій калейдоскопъ, и вся пестрая толпа, наполнявшая ихъ, безъ различія классовъ и положеній жаждала и добивалась только показной роскоши и богатой, но легкой наживы. По вечерамъ туда собирались представительницы картье Бреда, всѣ эти «biches», «gigolettes» и «lorettes», которыхъ талантливый художникъ Ропсъ (Rops)[1]) изобразилъ или, лучше сказать, увѣковѣчилъ въ своихъ прекрасныхъ офортахъ. Онѣ усаживались за столами передъ кофейнями бульваровъ, набѣленныя, нарумяненныя,

[1]) См. о немъ «Новый Журн. Иностр. Лит.», 1898 г., № 8.

дерзкія, вызывающія, съ огромными растрепанными рыжими шиньонами, короткими юбками, выставляющими на показъ ихъ ноги, и полуоткрытыми лифами. Куря папиросы и потягивая абсентъ, онѣ переглядывались съ прохожими, которые, въ свою очередь, не

1867 г.

стѣсняясь оглядывали ихъ, оцѣнивали ихъ достоинства, или «статьи», точно барышники на конской ярмаркѣ. Среди толпы гуляющихъ и массы экипажей шныряли парижскіе «гавроши» въ синихъ блузахъ, распѣвая и насвистывая модныя, почти всегда нелѣпыя, бульварныя шансонетки, или же изощрялись въ мѣткихъ и остроумныхъ замѣчаніяхъ по

адресу гуляющихъ кокодесовъ и пети-креве. Рестораны не закрывались всю ночь, шумъ музыки заглушался тамъ шумомъ тарелокъ или пьяными возгласами ужинающихъ. На зарѣ, когда уже начиналъ пробуждаться трудящійся и бѣдный Парижъ, а на бульварахъ, грязныхъ и пустынныхъ, появлялись подметальщики и тряпичники съ ихъ корзинами и крючками,— типы теперь уже канувшіе въ вѣчность, но которыхъ тогда называли рыцарями крючка,— двери ресторановъ открывались и оттуда выходили ночные кутилы, представители высшаго свѣта и кокотки; блѣдные, съ помятыми лицами и одеждами, морщась и ежась отъ утренней сырости, старались они уйти скорѣй отъ презрительныхъ взглядовъ, кидаемыхъ на нихъ этими ранними тружениками.

Парижанка времени Второй Имперіи является въ исторіи нашего вѣка очень печальнымъ и непривлекательнымъ женскимъ типомъ. Несмотря на близость къ намъ этой эпохи можно судить уже объективно о ней, благодаря множеству документовъ, собранныхъ и изданныхъ о людяхъ и нравахъ Второй Имперіи. И можно теперь уже признать вѣрность слѣдующаго афоризма, высказаннаго однимъ философомъ - моралистомъ: «Степень нравственнаго упадка націи измѣряется совершенно точно той сте-

пенью безстыдства, до какой можетъ публично дойти женщина, не скандализируя всего общества.» Кромѣ того, царствова-

1869 г.

ніе Наполеона III было самое неблагопріятное для развитія искусства, благодаря царившему повсемѣстно безвкусію. Правитель-

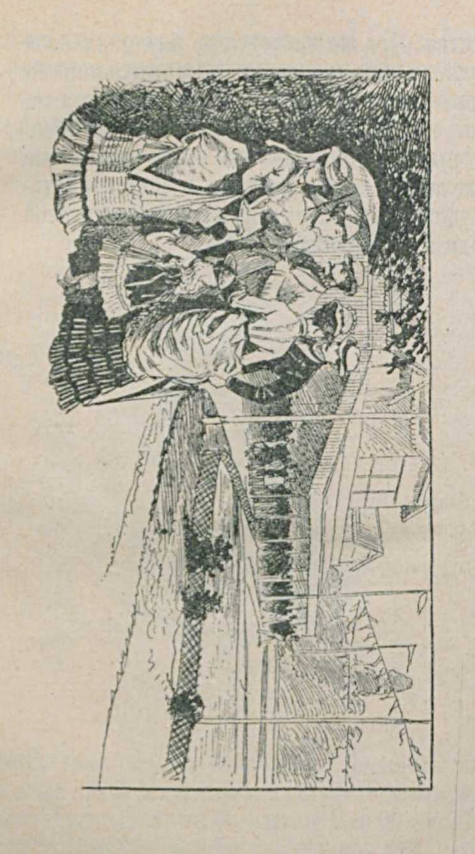
ство не только не поощряло даровитыхъ писателей и художниковъ, а, напротивъ, выводило бездарностей и покровительствовало продажнымъ писакамъ и придворнымъ живописцамъ; оно не понимало и не умѣло оцѣ-

1869 г.

нить настоящихъ талантовъ. Несмотря на многія архитектурныя и художественныя работы, исполненныя по заказу Наполеона III, эпоха Второй Имперіи не оставила никакого почти оригинальнаго слѣда въ исторіи ис-

кусствъ. Что же касается до женщинъ этой эпохи, то онѣ явились представительницами такого дурного тона, такой вульгарности; моды, которыя онѣ выдумывали, такъ безвкусны и безобразны,—что никто никогда не пожелаетъ ихъ возрожденія, и остается только удивляться, какъ могли другія націи этой эпохи имъ подражать.

IX.

Женщины и моды начала Третьей Республики.

Періодъ 1870—1880 гг.

Печальныя событія Франко-прусской войны, такъ неожиданно разразившіяся среди роскоши, сумасбродства и испорченности Второй Имперіи, сразу измѣнили всѣ дурныя привычки и легкость нравовъ, царившія въ обществѣ съ 1860-го года. Все это замѣнилось серіозностью, сосредоточенностью, доходившими до раскаянія, и скромностью одежды, граничившей почти съ бѣдностью. Тѣ самыя руки, которыя только-что передъ тѣмъ выставлялись на показъ, унизанныя драгоцѣнными украшеніями, которыя еще недавно такъ неистово апло-

дировали изъ театральныхъ ложъ всѣмъ сумасбродствамъ маскарадныхъ баловъ, которыя носили только перчатки отъ Жувена и мылись мыломъ отъ Герлена, сбросили теперь свои кольца и браслеты для того, чтобы работать въ лазаретахъ, дѣлать бинты и щипать корпію для раненыхъ. И все какъ-то сразу перемѣнилось. Перевязочные пункты, лазареты были устроены въ тѣхъ зданіяхъ, гдѣ передъ тѣмъ устраивались только праздники, раздавались звуки оркестра и веселый смѣхъ зрителей. Знамя «Краснаго Креста» развѣвалось надъ этими домами, такъ долго открытыми только однимъ удовольствіямъ, и какъ бы освятило ихъ. Бѣлые крылатые чепцы сестеръ милосердія покрыли головы, въ которыхъ до того времени не зарождалось и мысли о долгѣ и обязанностяхъ. Изъ легкомысленныхъ и пустыхъ женщины превратились въ сидѣлокъ, преданныхъ, героическихъ и готовыхъ на всѣ жертвы. Время веселья и забавъ прошло; наступило время строгаго и суроваго долга и продолжалось до конца внѣшней войны и до конца еще болѣе ужасной войны — междоусобной. Французскія женщины посвятили все свое время и весь свой умъ, которые онѣ прежде отдавали придумыванію новыхъ нарядовъ, святому долгу, уходу за ранеными и больными; ему же отдали онѣ и свое сердце и

свое чувство. Теофиль Готье и Эдмондъ де-Гонкуръ,—первый въ своей книгѣ «Картины осады», второй въ своемъ «Дневникѣ»,—увѣковѣчили преданность и самоотверженность

1870 г.

женщинъ въ эти тяжелые для націи дни. «Во всѣхъ этихъ мѣстахъ печали и страданія,» говоритъ Эдмондъ де-Гонкуръ, «неутомимо, какъ бы не зная усталости, работали и исполняли самыя грязныя и непріятныя

обязанности женщины безъ различія классовъ и положенія; тутъ была и аристократка въ шелковомъ платьѣ и работница въ чепцѣ и передникѣ, буржуазка и актриса, продажная женщина и монахиня. Самыя изнѣженныя, самыя избалованныя, непривычныя къ физическому труду черпали откуда-то силы, чтобы утѣшать, поддерживать и помогать этимъ несчастнымъ страдальцамъ и умирающимъ.» Теофиль Готье, посѣтивъ фойэ театра Comédie Française, гдѣ былъ устроенъ госпиталь, пишетъ слѣдующее: «Я засталъ прекрасную Дельфину Маркэ (извѣстную актрису) въ бѣльевой комнатѣ, расположенной въ нижнемъ этажѣ: она сворачивала бинты, сосредоточенная и печальная, работала она молча и быстро. Ея прекрасныя уста, умѣвшія, казалось, только декламировать и расточать улыбки и поцѣлуи, научились теперь словамъ молитвы и утѣшенія, которыя она произносила своимъ чуднымъ голосомъ у постели раненыхъ. Нѣжныя руки ея охлаждали горячіе лбы, перевязывали зіяющія раны, обмывали кровавые слѣды прусскихъ пуль.» Викторъ Гюго прославилъ въ своихъ стихахъ храбрость и преданность француженокъ въ эти страшные дни; онъ сравнивалъ ихъ съ героинями прошлыхъ вѣковъ. Теодоръ де-Банвиль расточалъ имъ въ своихъ сочиненіяхъ самыя нѣжныя и

изысканныя похвалы. Уваженіе и чувство почтительнаго удивленія замѣнили въ сердцахъ и умахъ мужчинъ презрѣніе къ женщинамъ, вселенное въ нихъ фривольностью куртизанокъ Второй Имперіи.

1871 г.

Страшный годъ какъ бы наложилъ свою тяжелую руку на все; темные однообразные костюмы, въ которые одѣвались женщины, ухаживая за ранеными, внесли большую скромность и простоту въ женскія моды. Одно время

полное равенство стало господствовать среди женщинъ всѣхъ классовъ общества. Общее горе и общее дѣло сравняли всѣхъ. Никто не рѣшался начать вести прежнюю роскошную легкомысленную жизнь, эксцентричныя моды куда-то скрылись, кринолины забросили, костюмы стали отличаться простотой, строгостью и вкусомъ; казалось, выстрѣлы грозныхъ и смертоносныхъ пушекъ разсѣяли всю мишуру и весь кричащій блескъ и вульгарность Второй Имперіи. Кромѣ того, слишкомъ часто крепoвый вуаль окутывалъ женское платье и изгонялъ всякую мысль о нарядахъ и удовольствіяхъ. Даже прекрасныя Маргариты Готье [1]) стали сдержаннѣе, перестали назойливо выставляться на показъ и наполнять города шумомъ своихъ похожденій, скандаловъ и интригъ. Женщины принялись жить чувствомъ и сердцемъ, какъ будто вмѣстѣ съ кринолиномъ испарились сухость сердца, легкомысліе и пустота парижанокъ, уступивъ мѣсто сердечности и добротѣ. Казино, концерты, спектакли не привлекали больше публику, за рѣдкими исключеніями, когда давались благотворительные праздники въ пользу потерпѣвшихъ отъ войны. Интересовались только

---

[1]) Героиня романа Дюма-сына «Дама съ камеліями».

военными и военнымъ дѣломъ; патріотизмъ овладѣлъ всѣми; пришлось допустить Марсельезу въ припѣвы ко всѣмъ патріотическимъ пѣснямъ; вспомнили республиканскія пѣсенки Беранже, и парижскіе «гамены» принялись

1871 г.

ихъ распѣвать. Наступило буржуазное президентство Тьера, не допускавшее выставокъ роскоши и нахальства прежняго времени.

Но реакція не замедлила явиться. Французы сбросили съ себя постепенно то оцѣ-

пенѣніе, въ которое ихъ повергли ужасы войны. Французскій характеръ, легкомысленный и задорный, жаждущій веселья, шума, вѣчно порицающій и недовольный всякимъ правительствомъ, заглушенный на время печальными событіями, проявился съ новой силой. Произошло настоящее возмущеніе, но оно не ознаменовалось ужасами, подобными ужасамъ Коммуны, а разрѣшилось мирно, сильнымъ увлеченіемъ всевозможными увеселеніями и развлеченіями. За кровавыми тяжелыми днями послѣдовали дни веселья и труда. Дѣятельность производительная и экономическая возросла, вызванная вновь къ жизни потребностями націи, вернувшейся къ роскоши и праздникамъ. Подобно средневѣковой Византіи, гдѣ за каждымъ возстаніемъ, за каждымъ переворотомъ слѣдовали эпохи благосостоянія, веселья и празднествъ, Парижъ какъ бы проснулся и сталъ переживать подобную же эпоху. Карнавалъ 1872 года отличался художествомъ костюмовъ, живостью, остроуміемъ и весельемъ. Промышленность и искусство стали вновь производить и работать. Короткій періодъ шести лѣтъ 1872—1878 г. оказался вполнѣ достаточнымъ, чтобы подготовить блестящую всемірную выставку и выказать всю трудовую и интеллектуальную силу французской расы. Французская женщина явилась опять однимъ

изъ главныхъ двигателей этого національнаго возрожденія. Ее стали вновь занимать и интересовать произведенія искусства и литературы, моды и предметы роскоши. Подобно выздоравливающей послѣ долгой и

1873 г.

упорной болѣзни, она, разучившаяся въ часы страданій улыбаться, наряжаться и любить, принялась этому вновь учиться. Для нея художники начали опять писать, скульпторы лѣпить, поэты слагать стихи, фабрики

изготовлять ткани, портные и модистки создавать наряды.

Казалось, женщины этого періода задались цѣлью заставить всѣхъ позабыть мишурную роскошь, испорченность, вульгарность и легкомысліе предыдущаго царствованія; онѣ постарались вызвать умственную дѣятельность страны, принимали живое участіе во всѣхъ проявленіяхъ этой дѣятельности, направляли и поддерживали мужчинъ на этомъ же пути. Одной изъ главныхъ участницъ и дѣятельницъ этого новаго направленія была Жоржъ-Зандъ. Несмотря на свой преклонный возрастъ, полная жизненныхъ и умственныхъ силъ, она вела дѣятельную переписку съ друзьями, писала свои произведенія, обмѣнивалась мыслями съ выдающимися представителями литературы. Густавъ Флоберъ былъ однимъ изъ ея усерднѣйшихъ корреспондентовъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ высказалъ ей, между прочимъ, свои опасенія о томъ, какую важную роль со времени Франко-прусской войны будетъ играть милитаризмъ во всемъ мірѣ. Вотъ его слова: «Всѣ сдѣлаются солдатами! Въ одной Россіи уже теперь четыре милліона солдатъ. Вся Европа будетъ носить мундиръ, и если мы когда-нибудь захотимъ отплатить нашимъ побѣдителямъ, то эта расплата будетъ жестока до звѣрства, и, замѣтьте, мы

всѣ только и будемъ думать, какъ бы отомстить Германіи. Только то правительство будетъ въ состояніи удержаться у насъ, которое будетъ играть на этой струнѣ. Итакъ, убійство станетъ цѣлью нашихъ стремленій

1874 г.

и усилій, идеаломъ всей Франціи.» Пророчество это, къ сожалѣнію, оказалось вполнѣ вѣрнымъ. Французское общество Третьей Республики предалось мечтамъ о «реваншѣ», даже женщины постоянно повторяли это

слово. Писатели и художники только тогда пользовались успѣхомъ у публики, когда умѣли заставить звучать струны патріотизма. Произведенія, не затрогивающія патріотизма или военщины, казались неинтересными и неталантливыми. Анри Реньо возбудилъ общій интересъ потому только, что погибъ на полѣ битвы. Мюссе вошелъ опять въ моду; благодаря его «Нѣмецкому Рейну», стали читать и другія его сочиненія. Парижанка стала мало-по-малу опять царицей и законодательницей модъ; стоило ей что-либо надѣть, какъ тотчасъ же всѣ иностранки спѣшили подражать этому.

Изъ Парижа француженка какъ бы диктовала свои законы англичанкамъ, русскимъ и американкамъ. Строгость и простота линій въ женскихъ костюмахъ явились неизбѣжной реакціей послѣ ужаснаго кринолина. Почти безсознательно импрессіонизмъ сталъ вліять на моду точно такъ же, какъ на живопись и литературу. Преднамѣренная небрежность, недодѣланность и блѣдность тоновъ въ костюмахъ и тканяхъ стали считать признакомъ хорошаго вкуса, особеннымъ шикомъ. Костюмы этой эпохи были элегантны и граціозны, но не бросались въ глаза. Зимой носили бархатныя или черныя атласныя платья, лѣтомъ платья изъ альпага и могэра (шерстяныя ткани); шляпы à la Мари Стюартъ, отдѣ-

ланныя стеклярусомъ, съ пучкомъ черныхъ перьевъ, и большія фетровыя шляпы «Микель Анджело» прекрасно гармонировали съ модными прическами. Начали обращать вни-

1873 г. 1876 г.

маніе на перчатки; покрой ихъ долженъ былъ быть безукоризненъ; требовалась красивая строчка узоромъ и тончайшая кожа. Носили ихъ очень длинными, заходящими за локоть, и застегивались онѣ на множество пуговицъ;

открылась даже масса спеціальныхъ перчаточныхъ магазиновъ, заставлявшихъ платить своихъ кліентокъ большія деньги за свои произведенія. Затѣмъ наступила оче-

1877 г.

редь муфтъ и вѣеровъ, которые стали необходимыми принадлежностями дамскаго туалета. Вѣера дѣлались сперва большихъ размѣровъ изъ дорогихъ кружевъ и страусовыхъ перьевъ, но скоро ихъ замѣнили вѣера

болѣе удобные и болѣе красивые по художественности работы. Пожаръ «Комической Оперы» въ концѣ 1873 года, стоившій столькихъ жертвъ, какъ бы пріостановилъ на

1878 г.

время начавшую было развиваться страсть къ роскоши, къ покупкѣ дорогихъ тканей и драгоцѣнностей. Страшныя зарева Коммуны еще не изгладились изъ памяти парижанъ, и хотя за этимъ пожаромъ не послѣдовало

другихъ, но страхъ смерти, мучительный и ужасный, пронесся надъ обществомъ, смутивъ на время его веселье, а огонь, похитившій столько человѣческихъ жизней и уничтожившій заодно массу дорогихъ побрякушекъ и украшеній, какъ бы показалъ этимъ всю ничтожность и непрочность роскоши. Несмотря на множество статей соціалистическихъ и анархическихъ органовъ, предвѣщавшихъ еще большія бѣдствія аристократамъ и богачамъ, несмотря также на проповѣди духовенства, видѣвшаго въ этомъ пожарѣ какъ бы кару Провидѣнія за безумную роскошь, безпечный характеръ парижанки не позволялъ ей долго сосредоточиваться на подобныхъ ужасахъ. При томъ же надо было помочь бѣднымъ жертвамъ, и какимъ прекраснымъ предлогомъ для новыхъ нарядовъ и украшеній явились всѣ эти благотворительные базары и концерты! Правда, на первыхъ базарахъ г-жи Тьеръ, Макъ-Магонъ, княгиня Трубецкая, баронесса Ротшильдъ и другія явились въ темныхъ туалетахъ, но что стоили всѣ эти кружева, блонды, вышивки и стеклярусныя отдѣлки, нашитыя вътакомъ изобиліи на эти полутраурныя платья!

Вскорѣ никто и не вспоминалъ больше о пожарѣ, уничтожившемъ старое зданіе Италіанской Оперы, тѣмъ болѣе, что какъ разъ подоспѣло открытіе новой Оперы, гдѣ на первомъ балу,

данномъ въ пользу голодающихъ ліонскихъ рабочихъ, прекрасныя парижанки постарались выказать въ полномъ блескѣ богатство фантазіи и изящество вкуса въ своихъ бальныхъ туалетахъ. Элегантность и изящество, а, главное, стремленіе къ оригинальности распространились на всѣ мелкія принадлежности туалета,—главнымъ образомъ, на зонтики и вѣера. Лучшіе художники принялись разрисовывать матеріи для нихъ и исполнять рѣзьбу для ручекъ. Образовалось какъ бы особеннаго рода искусство, нѣжное и изящное, и художники, носившіе такія имена, какъ Нитисъ, Тульмушъ, Маделена Лемеръ, Стивенсъ, не отказывались воспроизводить на шелку и тюлѣ свои прелестныя сцены изъ эпохи Людовика XVI-го для вѣеровъ и изъ японской жизни и флоры для зонтиковъ. Литература начала все болѣе и болѣе заниматься женщиной и ея вліяніемъ на весь общественный и политико-экономическій строй жизни. Знаменитый академикъ Шарль Бланъ въ своей книгѣ «Разсужденіе о женскихъ одеждахъ» возводитъ женское кокетство на степень искусства. Онъ говоритъ о томъ, какое большое вліяніе оказываютъ на промышленность страны это стремленіе женщины нравиться и эта страсть къ роскоши и блеску. Упоминаетъ онъ также о томъ, сколько рукъ заняты производ-

ствомъ этихъ тысячи и одной мелочи, необходимыхъ теперь для домашняго обихода женщинъ, и сколько ртовъ кормятся на фабрикахъ, гдѣ изготовляются для нихъ модныя ткани.

1878 г.

Дѣйствительно, за послѣдніе годы прикладныя искусства и мануфактурныя производства стали все больше и больше развиваться. Все, что способствуетъ украшенію женскаго туалета и обстановки ея жилища, стало воспроизводиться въ огромномъ

количествѣ; ювелиры, басонщики, фабрики ковровъ и обивокъ, столярныя мастерскія и обойщики расширили свои заведенія и заняли огромное количество рабочихъ рукъ. Промышленные центры получили громадное

1879 г.

значеніе; ліонскіе шелка и бархатъ, сентъ-этьенскія ленты, бумажныя ткани Рубе и Руана пріобрѣли большой спросъ и сбытъ. Бѣлье заняло почти первенствующее мѣсто въ женскомъ туалетѣ и вызвало огромное

производство кружевъ и вышивокъ. Трудно себѣ представить, какое разнообразіе шляпъ появилось на модномъ рынкѣ за этотъ десятилѣтній періодъ. Были шляпы Шарлотты Кордэ, Фра-Діаволо, Франциска I, Матело̀, Бержеръ, а затѣмъ, когда литературныя названія вошли опять въ моду, Рабагасъ, Офелія, Данишефъ и др. Появились спеціальные костюмы для прогулокъ, казино, обѣдовъ, вечеровъ, баловъ и для домашнихъ пріемовъ, и эти костюмы, въ свою очередь, подвергались измѣненіямъ сообразно съ сезонами, лѣтнимъ или зимнимъ. Вошла въ моду обувь съ узкими носками, талью стали затягивать въ страшно узкіе корсеты, принялись носить галстуки Лавальеръ, Malesherbes. Модные магазины начали выписывать экзотическія ткани, быстро вошедшія въ моду; парижанкамъ понравились всѣ эти восточныя индійскія матеріи съ ихъ оригинальными рисунками, а всемірная выставка,

1879 г.

на которой появилась масса произведеній чужихъ странъ, еще больше способствовала развитію этой моды. Литература начала принимать все болѣе и болѣе страстный характеръ. Читающая публика, увлекавшаяся романами Октава Фелье, была поражена смѣлыми и свободными идеями Дюма-сына, Густава Флобера и братьевъ Гонкуровъ. Несмотря на видимое благосостояніе, жизнь становилась все труднѣй и труднѣй, требованія возрастали, а съ ними вмѣстѣ возрастала и жажда къ наживѣ. Искреннее чувство, искренняя любовь должны были мало-по-малу стушеваться передъ погоней за состояніемъ, за богатымъ приданымъ, а безпрестанныя матеріальныя заботы заглушили и остатки истинныхъ чувствъ. Всѣми овладѣло сомнѣніе въ прочности и искренности любви, союзы по расчету стали болѣе частыми, а безкорыстіе рѣже. Всѣ начитались Прудона и философовъ-позитивистовъ; вопреки ненависти къ нѣмцамъ и патріотизму, нѣмецкіе философы пользовались большимъ успѣхомъ, нежели англійскіе. Всѣ зачитывались и восторгались афоризмами и идеями Шопенгауэра, а прекрасныя произведенія Джона Стюарта Милля прошли для французовъ незамѣченными, не оказавъ почти никакого вліянія. Скептицизмъ, распространяющійся въ средѣ молодежи, сильно

повліялъ и на женщину; ея манеры, нравы, даже вкусы стали постепенно развиваться въ другомъ направленіи. Матримоніальный вопросъ началъ сильно безпокоить женщинъ. Появленіе иностранокъ - воспитательницъ, дипломатическіе рауты и балы, на которыхъ приходилось сталкиваться съ иностранками, заставили француженокъ совершенно иначе взглянуть на многіе вопросы. Самостоятельность и свобода манеръ и обращенія скандинавокъ и американокъ поразили всѣхъ и оказали даже вліяніе на моды: стали носить платья простого, почти мужского покроя. Женитьба и свободная любовь явились двумя главными темами всѣхъ современныхъ психологическихъ трактатовъ. Всѣ захотѣли писать психологію женщины, ребенка и любви. Уже раньше Мишлэ занимался этими важными вопросами, но не разрѣшилъ ихъ, а послѣ

1880 г.

него люди постарались ихъ еще больше запутать и затемнить. Фурье, Прудонъ писали свои многотомныя сочиненія; появился Мальтусъ, возбудившій страшную полемику своей знаменитой теоріей размноженія человѣческаго рода. Кодексъ Наполеона, не предоставлявшій женщинамъ такихъ обширныхъ правъ, какъ законы другихъ государствъ, сталъ подвергаться большимъ порицаніямъ и вызвалъ большіе дебаты. Основалось нѣсколько обществъ для защиты женщинъ. Въ то же время Дюма-сынъ объявилъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ его пьесѣ «Princesse Georges», что «невинность есть капиталъ». И этотъ капиталъ, постоянно подвергающійся опасностямъ благодаря многочисленнымъ ловушкамъ, пріобрѣлъ въ глазахъ всѣхъ еще больше значенія. Стали имъ спекулировать. Тогда народился флиртъ, быстро распространившійся повсюду. Молодыя дѣвушки научились искать и приручать жениховъ. Это былъ первый дебютъ полудѣвственницъ (demi-vierges) въ романахъ, театральныхъ пьесахъ и въ обществѣ. Молодыя дѣвушки начали сближаться съ молодыми людьми по-товарищески; общія наклонности къ спорту, посѣщеніе общихъ игръ увеличили еще больше это сближеніе. Стали чаще встрѣчаться на площадкахъ лаунъ-тенниса, въ фехтовальныхъ

залахъ, на лодочныхъ гонкахъ и на прогулкахъ верхомъ. Появленіе велосипедовъ положило конецъ женской стыдливости. О любви стали говорить языкомъ жокеевъ и тренировщиковъ. Большинство великосвѣтскихъ франтовъ интересовалось лошадьми своихъ конюшенъ, если не больше, то, во всякомъ случаѣ, столько же, сколько и своими метрессами. Женщины вернулись опять къ праздности, легкомыслію; страсть къ роскоши вновь овладѣла ими, но это была уже не показная роскошь Второй Имперіи, а болѣе интимная, такъ сказать, домашняя. Главное вниманіе было обращено на обстановку и на бѣлье; великосвѣтскія дамы и дамы полусвѣта, горизонталки, какъ ихъ теперь называли, принялись тратить баснословныя суммы, даже разорялись на кружева, батистъ и вышивки. Онѣ набивали свои шкафы валансьенами, кружевами «Мари

1880 г.

Терезія», косынками «Ламбаль», бантами «Кольберъ» и «Фигаро». Излюбленными цвѣтами тканей были темные оттѣнки зеленовато-голубоватаго «лотоса», красный Ванъ-Дейка, «лутръ» и «мандрагоръ». Лѣ-

1880 г.

томъ носили легкіе фуляры и сюра, индійскую кисею, воздушную и прозрачную, неопредѣленныхъ тоновъ. Нравы измѣнялись все больше и больше; свобода манеръ, жестовъ, даже разговоровъ все усиливалась.

На всѣхъ парижскихъ улицахъ появились магазины велосипедовъ, и гигантскія афиши извѣстныхъ велосипедныхъ фирмъ покрыли всѣ стѣны города. Вся жизненная дѣятельность, какъ мозговая, такъ и сердечная, казалось, переселилась въ ноги велосипедистокъ. Моды, благодаря простотѣ костюмовъ для ѣзды, также радикально измѣнились. Француженка 1880 года пріобрѣла мальчишескія замашки и манеры свободныя и самостоятельныя, почти граничащія съ наглостью и безстыдствомъ. Наслажденіе и удовлетвореніе всѣхъ своихъ аппетитовъ— вотъ что стало, главнымъ образомъ, интересовать и занимать оба пола. Такимъ образомъ, медленно, но вѣрно подготовлялось современное французское общество, гдѣ упадокъ нравственности, умственное декадентство, отчаянная борьба за существованіе, тяжелый трудъ, скрытое самопожертвованіе, продажность и погоня за наживой тѣсно перемѣшались между собой.

Современныя парижанки.

X.

Современная парижанка, ея психология, ея вкусъ и моды.

Дюма-сынъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій упомянулъ о дорогѣ въ древнія Ѳивы, гдѣ путешественниковъ поджидали и заманивали сфинксы; этимъ упоминаніемъ онъ какъ бы пролилъ новый свѣтъ на женскій вопросъ нашей эпохи. Современная французская женщина — тотъ же таинственный привлекательный сфинксъ, она такъ же поджидаетъ празднаго путника на перекресткѣ

его жизненнаго пути, и горе ему, если онъ не сумѣетъ разгадать эту живую загадку: онъ или погибнетъ, или же будетъ продолжать свой путь, унося въ сердцѣ горечь, пустоту и потерявъ всякую вѣру въ искреннее чувство любви. Если сфинксъ привлекателенъ и очарователенъ, то все же познаваніе его покупается иногда слишкомъ дорогой цѣной, а поэтому желающихъ разгадать загадку стало являться все меньше и меньше, скептицизмъ по отношенію къ женщинѣ и къ ея искреннему чувству увеличился, и большинство мужчинъ предпочли смотрѣть и обращаться съ женщиной какъ съ игрушкой, какъ съ дорогой куклой, созданной только для ихъ удовольствій. Но женщина начала понимать всю иронію, все ничтожество отведенной ей житейской роли и, вооружившись всей своей храбростью, она не побоялась громко потребовать тѣхъ правъ

1881 г.

и прерогативъ, на которыя она имѣетъ право, какъ существо мыслящее и разумное. Желаніе эмансипаціи зародилось въ ней, поддерживаемое аналогичными идеями, занесенными во Францію американками. Француженка устыдилась той подчиненной роли, которую ее заставляли играть цѣлые вѣка, и, оглянувшись вокругъ, она увидала, что мужчины конца нынѣшняго вѣка, представители древнихъ и когда-то знатныхъ родовъ, выродились въ эту жалкую породу современныхъ клубмэновъ и спортсмэновъ. Кромѣ того, нравственность мужей, съ которыми приходится современнымъ женщинамъ соединять свою жизнь, очень сомнительная, и при томъ еще запятнанная продажностью, спекуляціей и политическими интригами, имъ въ такой же степени опротивѣла, какъ и ничтожество, безсердечіе и эгоизмъ ихъ любовниковъ. Цѣ-

1882 г.

лый кружокъ женщинъ, рѣшившій доказать ошибочность мнѣній, высказанныхъ Прудономъ и Шопенгауэромъ, что женщина по своимъ интеллектуальнымъ способностямъ стоитъ ниже мужчины, сплотился и образовалъ феминистскую партію, храбро отстаивающую женскія права и женскую эмансипацію. Другая же часть женщинъ предалась еще сильнѣе флирту, веселью и роскоши, тратя свою энергію и избытокъ времени на украшеніе своего дома (son chez-soi). И дѣйствительно эти дома, эти квартиры являются блестящими элегантными рамками, прекрасно оттѣняющими и гармонирующими съ ихъ хозяйками.

1884 г.

Декоративное искусство и ткацкое производство усиленно занялись удовлетвореніемъ все увеличивающагося спроса на ихъ

произведенія. Современная парижанка старается больше всего избѣжать банальности въ своей домашней обстановкѣ; она стремится прежде всего къ оригинальности и старается гармонировать тона драпировокъ, обоевъ и обивки съ платьями, которыя она носитъ. Она обладаетъ большимъ художественнымъ чутьемъ, тонкимъ пониманіемъ цвѣтовъ и оттѣнковъ и отдаетъ предпочтеніе нейтральнымъ тонамъ, матеріямъ безъ блеска и костюмамъ, не бросающимся въ глаза. Модная мебель отличается большимъ изяществомъ, легкостью и простотой. Въ большой модѣ — лакировать дерево, изъ котораго она дѣлается, или окрашивать въ блѣдные, нѣжные, почти прозрачные тона. Если обивочная матерія—исключительно француз-

1885 г.

скаго производства и вкуса, то на современной мебели отражается вліяніе англійскаго и отчасти японскаго вкуса. Мягкія, нѣжныя ткани, извѣстныя подъ названіемъ «либерти», и воздушныя индійскія матеріи вошли въ моду; начали интересоваться и пріобрѣтать раскрашенные эстампы Лауренса, Фрагонара, Буше, блѣдные и нѣжные по краскамъ; стали вставлять картины молодыхъ художниковъ въ бѣлыя или блѣдно-зеленоватыя рамы; хризантемы и орхидеи сдѣлались любимыми и модными цвѣтами для украшенія комнатъ. Благодаря своему постоянному общенію съ художниками, посѣщенію выставокъ, современныя парижанки развили въ себѣ умѣніе изящно и съ большимъ вкусомъ разставлять свою мебель, декорировать свои

1888 г.

стѣны, элегантно развѣшивать свои драпировки. Зимній сезонъ, этотъ сезонъ пріемовъ, обѣдовъ, баловъ и всевозможныхъ празднествъ, является для современной модницы настоящимъ тріумфомъ, давая ей возможность показать во всемъ блескѣ свою обстановку, туалеты и свое умѣніе принимать и быть любезной хозяйкой. Она зимой становится опять женщиной, забываетъ о всѣхъ спортахъ, снимаетъ мужской костюмъ, въ которомъ разъѣзжала на велосипедѣ, и проводитъ большую часть времени въ своемъ домѣ. Многочисленные ея выѣзды и пріемы требуютъ новыхъ платьевъ, новыхъ костюмовъ; главнымъ ея совѣтникомъ и руководителемъ въ этихъ вопросахъ является теперь модный дамскій портной,—le grand couturier, какъ онъ себя величаетъ. Модница слѣдуетъ его совѣтамъ, надѣваетъ измышленные имъ туалеты, даже самые странные, позволяетъ себя обезображивать тур-

1889 г.

нюрами или ужасными по размѣрамъ рукавами. Недалеко еще то время, когда модница, подражавшая этой модѣ, почти не могла умѣщаться въ креслахъ театра, въ омнибусахъ и даже въ экипажахъ; къ счастію, мода эта продолжалась сравнительно недолго. На модномъ горизонтѣ появились такія знаменитости, какъ Вортъ, Феликсъ, Риффъ, Лаферьеръ и другіе «великіе портные», едва успѣвающіе исполнять заказы своихъ многочисленныхъ кліентокъ. Если въ послѣдніе годы выходные костюмы и стали отличаться все больше и больше простотой, даже строгостью и темнымъ цвѣтомъ, зато корсеты и бѣлье достигли неслыханной роскоши и изысканности. Самыя дорогія и тончайшія кружева, какъ-то: ирландскій гипюръ, валансьенъ, шантили, малинь, алансонскія и брабантскія, употребляются на отдѣлку бѣлья, которое дѣлается изъ тончайшаго полотна, батиста и мяг-

1890 г.

каго шелка. Многое изъ того, что носили въ 1830-хъ годахъ, вновь появилось за послѣдніе годы, такъ, напримѣръ, знаменитые рукава «жиго» и еще болѣе ужасные рукава, напоминающіе воздушные шары, перешедшіе теперь, въ наши дни, почти въ гладкіе рукава; затѣмъ носили всевозможныя пелеринки — тальмы суконныя, мѣховыя, шелковыя, кружевныя и даже тюлевыя. Юбки у платьевъ дѣлались то длинныя, то короткія; нѣкоторое время продержались юбки «клошъ», очень широкія по объему; теперь же юбки опять нормальныхъ размѣровъ, и носятъ ихъ отдѣланными тесьмой, шнурами, пасмантри и вышитыми суташомъ. Шляпы одно время стали напоминать какія-то монументальныя сооруженія; затѣмъ носили ихъ съ массой отдѣлокъ, ухитрялись умѣщать на

1890 г.

нихъ почти цѣлый садъ цвѣтовъ. Въ наши дни въ большой модѣ разныя кружевныя и стеклярусныя отдѣлки, нашитыя

1890 г.

на платья, и вышитыя шелками и блестками платья. Страсть къ нарядамъ, поиски все новыхъ оригинальныхъ туалетовъ заставляютъ парижанокъ проспживать цѣлые

часы у знаменитыхъ портныхъ или въ обширныхъ магазинахъ-базарахъ, гдѣ онѣ, роясь въ массѣ «новостей», забываютъ о времени и о состояніи ихъ кошелька. Эмиль Зола, этотъ романистъ-историкъ женщинъ нашей эпохи, прекрасно изобразилъ такія посѣщенія магазиновъ въ своемъ романѣ «Au bonheur des dames». Въ современныхъ салонахъ въ пріемные дни на, такъ называемыхъ, «five o'clock tea» (чай въ пять часовъ) говорятъ о выставкахъ, о новогоднихъ подаркахъ, объ оффиціальныхъ визитахъ, о манерѣ позировать передъ художниками, о благотворительныхъ базарахъ и способахъ привлекать на нихъ покупателей; дамы, занимающіяся искусствомъ, а ихъ въ наши дни не мало, толкуютъ о вѣерахъ, миніатюрахъ и фарфорѣ. Каждый праздникъ, каждый мѣсяцъ приносятъ съ собой новыя развлеченія, а поэтому и новыя хлопоты, новыя волненія и новыя заботы о

1891 г.

туалетахъ. Рестораны и, такъ называемыя, «brasseries» посѣщаются очень охотно; тамъ, въ отдѣльныхъ кабинетахъ, пируютъ великосвѣтскіе франты со своими метрессами и свѣтскія дамы со своими любов-

1891 г.

никами; при выходѣ имъ часто приходится сталкиваться съ продажными дѣвами, которыя, сидя за «бокомъ» (стаканъ пива), ждутъ, не найдется ли щедрый посѣтитель, который бы заплатилъ за ихъ обѣдъ. Зимой

почти повсюду, желаютъ ли онѣ этого или нѣтъ, женщинамъ общества приходится постоянно сталкиваться въ дамами полусвѣта. «Le Journal» и «le Figaro», посвящающіе цѣлыя статьи отчетамъ о свѣтской жизни

1892 г.

общества, соединяютъ на своихъ столбцахъ безъ всякаго стѣсненія имена знаменитыхъ герцогинь съ именами извѣстныхъ «горизонталокъ», знаменитыхъ актрисъ съ богатыми и степенными буржуазками. Это одинъ изъ

признаковъ времени; республиканское общество постепенно уничтожало разстояніе и границы, отдѣлявшія порядочное общество отъ веселаго. Литература, искусство и общественныя увеселенія стараются еще больше

1893 г.

сравнять ихъ. Маскарадные балы, устраиваемые во время карнавала въ Оперѣ, проповѣди въ людныхъ церквахъ св. Рока (Saint Roch) и Notre-Dame во время поста, концерты Колонна и Ламуре, а также разные

кафе-шантаны,—вотъ мѣста, гдѣ это сближеніе больше всего бросается въ глаза. Исповѣдальни, театральныя залы, коридоры цирковъ одинаково доступны какъ женщинамъ общества, такъ и дамамъ полусвѣта. Общность политическихъ взглядовъ и партій, общее стремленіе къ наживѣ и веселью также способствовали сближенію разнородныхъ и часто нежелательныхъ элементовъ общества. Роялистскіе и аристократическіе салоны теперь зачастую открываютъ свои двери женѣ какого-нибудь высшаго администратора или сановника республики. Въ салонахъ, принадлежащихъ богачамъ-евреямъ, принимаютъ вдовъ и дочерей богатыхъ промышленниковъ-католиковъ; вѣдь ихъ приданыя и наслѣдства въ умѣлыхъ рукахъ любезныхъ хозяевъ могутъ увеличиться въ нѣсколько разъ. Парижъ—городъ, гдѣ самые строгіе, даже суровые нравы смѣшиваются съ самыми легкомысленными; это какъ бы одинъ общій улей, въ который влетаютъ всѣ пчелы и приносятъ свою долю меда—актрисы и герцогини, гризетки и швейки, почтенныя матроны и «полудѣвственницы» (demi-vierges). И всѣ эти пчелы жаждутъ свѣта, шума, лести и веселья. Зима проходитъ въ самыхъ разнообразныхъ развлеченіяхъ; наступаетъ пора весеннихъ удовольствій. Это время Праздника Цвѣтовъ, Grand Prix de Paris

и двухъ парижскихъ Салоновъ. Въ этотъ періодъ клубмэны, спортсмэны и модные, эксцентричные живописцы становятся модными любимцами, если не модными любовниками свѣтскихъ дамъ. Сколько пускается

1895 г.

въ ходъ интригъ, разыгрывается нѣжныхъ сценъ для того, чтобы заполучить медаль для своего любимаго художника, и для того, чтобы жокей, носящій извѣстные цвѣта, получилъ призъ! То же самое продѣлывается

и съ выборами въ Академію; графини компрометирують себя, знаменитыя модницы соблазняють престарѣлыхъ академиковъ, лишь бы добиться успѣха для своего кандидата. Въ Салонахъ расхаживають оригиналы вы-

1896 г.

ставленныхъ портретовъ, подъ которыми красуются подписи знаменитыхъ мастеровъ портретной живописи Больдини или Ла-Гандара. Но и этому сезону наступаетъ конецъ; всѣ спѣшатъ, пользуясь прекрасной погодой,

въ сады, куда привлекаютъ иностранные оркестры, дневные праздники, пикники, игры лаунъ-теннисъ и крокетъ; забываютъ серіозную музыку Вагнера, Берліоза, Гуно для того, чтобы наслаждаться веселой опе·

1898 г.

реточной музыкой въ лѣтнихъ кафе-шантанахъ. Затѣмъ начинается повсемѣстное переселеніе; по телефону заказываются спальныя купэ, и весь свѣтскій Парижъ отправляется на воды, морскія купанья, въ родовыя помѣстья и замки.

Современная женщина, кромѣ удовольствія, требуетъ также пищи своему уму; она съ жадностью читаетъ произведенія нѣсколькихъ писателей,—главнымъ образомъ, тѣхъ, которые воспѣваютъ ее, расточаютъ ей похвалы и лесть или же строго критикуютъ. Всѣ жены, любовницы, сестры, деми-вьержъ—всѣ онѣ поочереди являлись въ произведеніяхъ извѣстныхъ писателей, у нихъ были свои психологи — Стендаль, Бурже, Баресъ, имъ льстили Мозеруа, Катуллъ Мандесъ, ихъ воспѣвали въ стихахъ Боделеръ, Верленъ, Сильвестръ, судили и критиковали Дюма, Флоберъ, ихъ историками явились Зола, Прево, ихъ философами—Франсъ и Ренанъ. Современные художники, какъ-то: Ропъ, Дегазъ, Форенъ, представили въ своихъ картинахъ и рисункахъ современную женщину въ самомъ непривлекательномъ видѣ; все, что есть въ ней испорченнаго, почти скотскаго,— все это изображали эти художники реальнымъ, почти грубымъ образомъ. Большинство женщинъ, недовольныя подобнымъ искусствомъ, которое ихъ изображаетъ такими непривлекательными, хотя и реальными, стало интересоваться старыми мастерами, и, благодаря этому движенію, примитивные мастера съ Леонардо-да-Винчи во главѣ вошли въ моду такъ же, какъ и англійскіе художники-прерафаэлиты. Женщины стали копировать прически

женскихъ фигуръ Сандро Ботичелли, расшитые корсажи Беноццо Годоли и подражать позамъ элегантныхъ, почти идеальныхъ фигуръ Россети и Бёрнъ-Джонса.

Но Парижъ любитъ контрасты, это присуще двойственнымъ натурамъ его обывателей, и

1898 г.

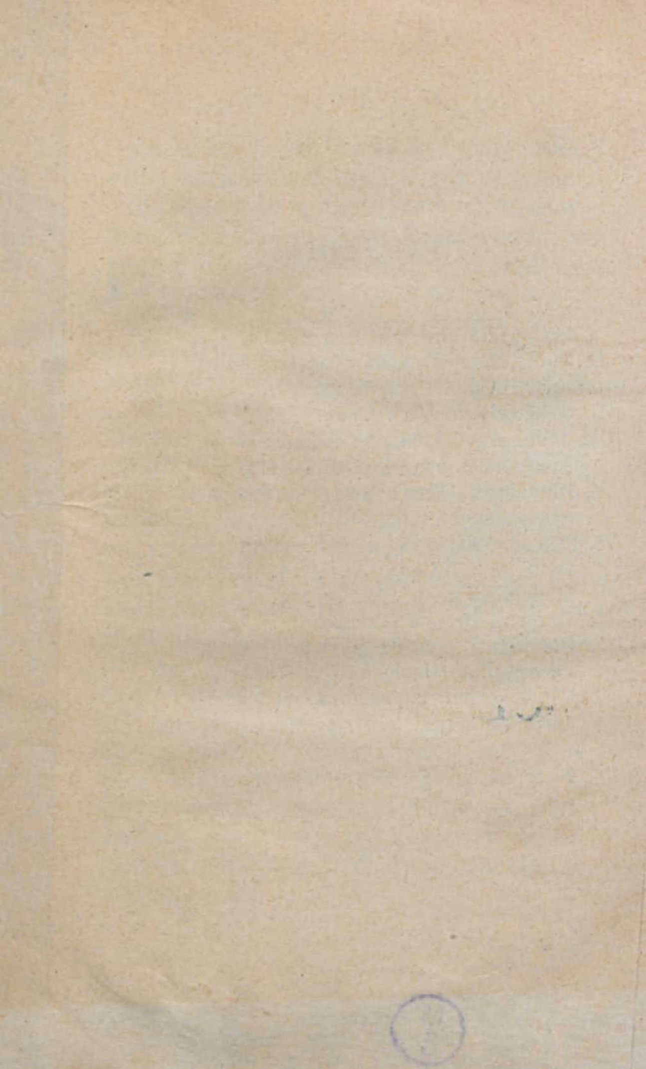
скоро нѣжныя, изящныя афиши прерафаэлитовъ почти уступили свое мѣсто на парижскихъ стѣнахъ огромнымъ раскрашеннымъ афишамъ Шубрака, Тулуза-Лотрека, изображающихъ знаменитую дѣвицу Гриль д'Эгу

(Grille d'Egout) или дѣвицу Ла-Гулю (la Goulue) — знаменитыхъ танцовщицъ канкана.

Въ общемъ же можно вывести такое заключеніе, что современная парижанка—очень развитая и интеллигентная, прекрасно понимающая и схватывающая всякія явленія, всякіе оттѣнки современной жизни, которая несется на всѣхъ парахъ и которая постоянно подталкиваетъ человѣчество на новую безпрестанную дѣятельность, также стремится къ самостоятельной дѣятельности. Къ несчастію, общественныя условія, въ которыя поставлена женщина даже конца нашего столѣтія (fin de siècle), большей частью такія, что ея дѣятельность должна почти ограничиваться семьей, домашними заботами и благотворительностью, тогда какъ ей бы хотѣлось выказать свои интеллектуальныя способности, бороться съ жизнью и жертвовать собой. Многимъ изъ нихъ, впрочемъ, уже удалось отвоевать себѣ самостоятельное дѣло и мѣсто въ общественной жизни на ряду съ мужчинами; теперь повсюду встрѣчается множество женщинъ-докторовъ, адвокатовъ, химиковъ, художницъ и музыкантшъ, и число ихъ съ каждымъ годомъ все возрастаетъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007332520